

*Увар
Александров*

АВТОБИОГРАФИЯ

Я появился на свет Божий 15 февраля 1932 года в захолустной мценской деревушке Гудиловке бывшего Власовского, ныне Алябьевского сельсовета, что в 35 км от Мценска. Однако только 8 марта отец запряг в козырные санки шустрого меринка, усадил молодую жену и помчался в сельсовет, чтобы зарегистрировать факт моего рождения. Этот день и значится в моем паспорте.

В 1939 году пошел в первый класс Кислинской семилетки. Окончил два класса. Война оборвала учебу. Мы были эвакуированы в Корсаковский район. Поселились на Аринкином хуторе. Осень 1942 года проучился в Андреевской начальной школе. Не хватало учебников. Тетради сшивали из фуражных мешков. Чернила разводили из сажи.

В феврале 1943 года мы самовольно ночью пробрались в Гудиловку, а в мае снова были выдворены в д. Минино что недалеко от с. Воиново.

В июле 1943 года Мценск был освобожден от немцев. Мы окончательно вернулись домой. В сентябре снова пошел в школу — в третий класс. Учился старательно и озорно. Разряжали противотанковые мины и взрывали блиндажи. Летом трудился в колхозе: пахал землю, косил с бабами луга, возил на волах копны. В шестнадцать лет вступил в комсомол. Восхищался подвигами Зои Космодемьянской, Сергея Тюленина, Олега Кошевого. Зачитывался “Молодой гвардией” А. Фадеева и “Двумя капитанами” В. Каверина.

В 1948 году окончил семилетку. Попытался с друзьями поступить в летнюю школу в Курске, да не прошел по состоянию здоровья. Помчался в Тулу, где отец работал плотником на стройке. Он повел меня в строительный техникум. Был конец августа. Приемные экзамены уже закончились. Завуч заинтересовался моими оценками. Они были положительными. Мне тут же предложили написать диктант и контрольную по математике. Справился хорошо. Зачислили со стипендией. Назначали старостой группы. Днем посещал занятия в техникуме, а вечером спешил в областную заочную среднюю школу взрослых. В течение двух лет окончил 8, 9, 10 классы, получил аттестат зрелости.

В 1950 году поступил на литературный факультет Тульского пединститута. Жилось трудно. Жили с отцом в бараке на Рогожинском поселке. В институт бегал в обычной одежде — в фуфайке или вельветке. Студенческие годы ознаменовались выходом в свет сталинских работ “Экономические вопросы социализма” и “Вопросы языкознания”. Вокруг них разгорались жаркие споры. В марте 1953 года Сталин умер. Всех потрясла смерть вождя.

В 1954 году, после окончания пединститута, с группой однокурсников добровольно уехал на целину. Учителем в Благовещенской средней шко-

ле, что на Алтае. Шибко тосковал по родной стороне. Часто после уроков спешил на станцию, встречал и провожал проходящие поезда.

Вскоре вместе с целинниками меня призвали в армию. Я оказался во Второй школе сержантов АИР — артиллерийской инструментальной разведки. Получил специальность военного топографа. Служил в разведдивизионе артиллерийского полка: сначала командиром вычислительного отделения топографической, затем — оптической разведки. С теодолитом и мерной лентой исколесил не один артиллерийский полигон. Полк был парадный. В 1955 и 1956 годах довелось участвовать в военных парадах на Красной площади.

В ноябре 1957 года, отслужив армейский срок, вернулся во Мценск. Места для словесника не оказалось. Спешно окончил курсы шоферов, был направлен учителем автодела в среднюю школу № 1. В августе 1958 года меня перевели на должность инспектора в роно. В мои обязанности входили: охрана прав детства, преподавание русского языка и литературы, организация поисково-краеведческой и экскурсионно-туристской работы в школах, военно-патриотическое воспитание учащихся и т. д.

Инспекторской работе было отдано двадцать шесть лет. Был живым свидетелем многих добрых и дурных дел в просвещении. За долголетний добросовестный труд награжден значком “Отличник народного просвещения РСФСР”, юбилейной Ленинской медалью, а также медалью “Ветеран труда”.

С 1984 по 1989 год был директором Краснооктябрьской восьмилетней школы. Круто добивался реальной успеваемости, дисциплины, порядка. Резко отрицательно относился к пресловутой школьной реформе, к педагогике сотрудничества, к горбачевскому новому мышлению и плюрализму, которые сыграли роковую роль в судьбе советской школы и государства. Сохранилась рукопись неизданной книги “Красные чернила. Дневник директора школы. 1984-1989 годы”.

С 1961 года состоял в Коммунистической партии. Был и остаюсь коммунистом-романтиком. Не терпел партийных шкурников и холопов.

С детских лет увлекался поэзией. Поэтический зуд почувствовал еще за школьной партией в 3 классе. В студенческие годы посещал литературный кружок. В 1951 году в альманахе “Литературная Тула” и в сборнике “Стихи тульских поэтов” появились мои первые вирши.

В разные годы печатался в областных газетах и сборниках, в журналах “Подъём”, “Москва”, “Звезда”, “Наш современник”, “Форум”, “Молодая гвардия”, “Роман-журнал XXI в.” и других. Отдельные мои стихи появлялись в антологии “Час России”, в альманахе “Поэзия”, в “Невском альманахе”, в альманахе “Орел литературный”, в хрестоматии “Писатели Орловского края. XX век”.

Никогда не порывал с учительской профессией. В теучке повседневной жизни встречались запоминающиеся события.

В 1970 году был принят в Союз писателей СССР — впервые в истории Мценска.

В 1980 году был избран делегатом Пятого съезда писателей РСФСР, который состоялся в декабре в Москве.

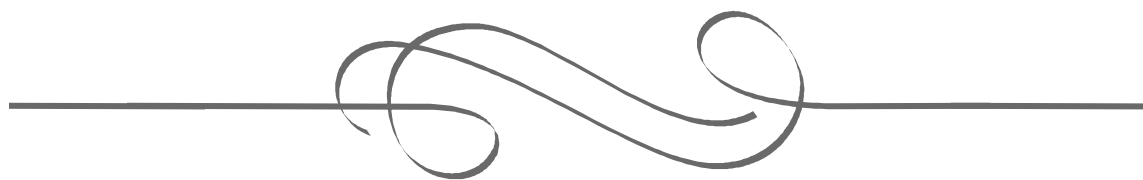
В 1997 году в Дни славянской письменности в Орле стал лауреатом Всероссийской литературной премии имени А. Фета.

В этом же году за военно-патриотическое воспитание молодежи мне было присвоено звание “Почетный гражданин г. Мценска”.

В 2007 году в связи с 75-летием был награжден юбилейной Шолоховской медалью.

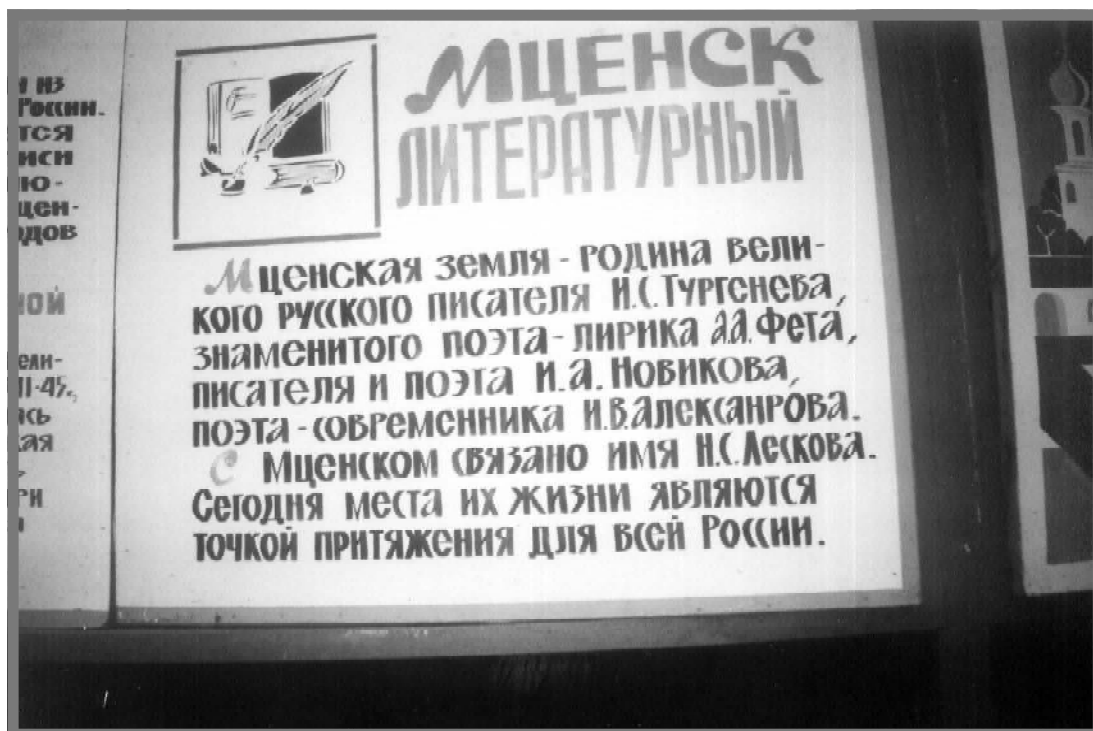
В марте 2010 года было присвоено звание “Почетный гражданин Мценского района” за прославление родного края.

***ПЕВЕЦ
РОДНОГО КРАЯ***

Среди поэтов современников, связавших свое творчество с родным Тургеневским краем первое место по праву принадлежит Ивану Васильевичу Александрову.

В его стихах раскрывается облик человека труженика, воина, преобразователя жизни. Он отличается от других поэтов тем, что стихи его самобытны и оригинальны. Ему присуще особое видение мира, без которого не может быть подлинного поэта.

Святые имена

П.М. Суконнову

Не выходя из боя,
Из адской кутерьмы,
Сражаются герои,
Пока их помним мы.

Мельчают поколения,
Бледнеют времена.
Не подлежат забвенью
Святые имена.

Озарены их лица
Трагической судьбой,
И вечно будет длиться
Незавершенный бой!

Легли налево и направо
Моей поэзии края,
Есть у меня своя держава,
Хоть маленькая, да своя.

Её граница вьётся сушей,
Петляет от реки к реке,
Пройдя по Снежеди и Зуше,
Красивой Мече и Оке.

Земля Тургенева и Фета
Известна далеко вокруг.
Тепло поэтами воспета
Её столица — Бежин луг.

Вы не найдете в целом мире
Таких лесов, таких полей,
Такой бездонно-синей шири
С прощальным криком журавлей,

Душа невольно замирает,
И радость светится в глазах:
Опять рябина полыхает
В осенних трепетных лучах.

Благослови меня, как сына,
На честный труд и честный бой,
Моя багряная рябина,
Моя надежда и любовь.

С чего начинается Родина? Именно с самого простого и явного ощущения родной земли, своих корней, своего родства с теми, кто был на этой земле до тебя и придет следом.

Вся жизнь и творчество И.В. Александра были связаны с родной Гудилровкой, Мценском.

Здесь прошло его детство, здесь он работал, совершенствовал поэтическое мастерство, здесь формировался его характер. Он с гордостью подчеркивал связь своего творчества с родным краем.

В его стихах упоминаются названия 30-ти деревень и поселков, 10-ти речек и речушек, 5-ти лесов, нескольких улиц Мценска, названия городов Мценск, Орел, Тула.

Земляки

В Дубках,
Да в Лужках,
Да в Скородинке
Смешно нам о славе вздыхать.
Узнали бы только на родине,
А где-то успеют у знать.

А здесь-то в года завирухи
Протопали мы босиком.
Я с детства во мценской округе
С любой деревенькой знаком.

Я в дружбе с любой луговиной,
Приятель для каждой тропы.
Сорочий зовёт по малину,
Осинковец — по грибы.

Взойду на лесную опушку,
Присяду в тени у куста,
Знакомая с детства кукушка
Желает не менее ста.

Здесь даже зверье и пичуги
Считают меня земляком.
Ах, с кем не знаком я в округе! —
С любой собакой знаком.

Бывает, конечно, бывает:
В какой-то неласковый час
Звягливая Моська облает,
Но Тузик мне лапу подаст.

И мне под родительской крышей,
И мне у заветной ветлы
Не нужно признания выше,
Достойнее похвалы.

В Дубках,
Да в Лужках,
Да в Скородинке
Смешно нам о славе вздыхать.
Признали бы только на родине,
А где-то успеют признать.

Городок — столица захолустья —
Задремал у зушских берегов.
Веяло сиреневою грустью
От его задумчивых садов.

Как об этой прелести расскажешь?
Человек дивился и молчал:
Видел он чудеснее пейзажи,
А роднее этих не встречал.

Поэт с большой буквы

Певец родного края

*Я с детских лет к земле прирос...
«Корни». И.Александров.*

Передо мною лежат «Лирические тетради» Ивана Васильевича Александрова, поэта, нашего земляка. Читаю стихотворения и удивляюсь тому, насколько они разные и по своей тематике, и по бегу поэтического пера: одни энергичные, сжатые до предела, отличающиеся яркой предметной образностью; другие, овеянные романтикой, сверкнут, как чистые звезды ночного неба; третьи заставляют поразмышлять, вызывая желание вступить в диалог с самим автором; в иных сквозит тонкая ирония.

Но о чем бы ни писал Иван Васильевич, чувствуешь: его стихи свидетельствуют о глубине и тонкости наблюдений поэта, о метком и выразительном воспроизведении действительности.

Иначе быть не может: ведь его поэзия рождена жизнью, мценской землей, родной Гудиловкой, затерянной среди ракит и черемух, где по тропинкам и перелескам бежало его босоногое детство.

Вчитываюсь в названия сел, деревень, городов, обозначенных в его стихотворениях: Дубки, Лужки, Скородинка, Журавинка, Жилино, Новосиль, Орел, Тула, Корсаково - они известны каждому амчанину, поэтому с интересом и глубоким волнением читаешь поэтические строки, наполненные “дымком костра над Ядринкой и Зушей”, запахом “цветущей сирени в усадьбе Фета”, синевой неба, “прохладой Снежеди, Красивой Мечи и Оки”, болью и радостью людей своей Орловщины.

С особым проникновением и мягким лиризмом звучат многие строки о родной природе, ее необозримых просторах, вызывая светлое, радостное и трепетное чувство:

*Вы не найдете в целом мире
Таких лесов, таких полей,
Такой бездонно-синей шири
С прощальным криком журавлей.*

Нет-нет, да и прорвется тоска-печаль в стихах, обращенных к заброшенной, опустевшей деревне, о далеком былом житье которой рассказать может только рябина, “полыхающая в осенних трепетных лучах”. И эта печаль светлая, чистая, со слезинкой.

Вот и живет поэт, мучаясь сердцем и душою, открывая нам мир, нашу землю, без которой мы “как дерево без корней”.

В стихах Ивана Васильевича прослеживается и вся родословная семьи. Гордость, восхищение и уважение - в каждом рассказе о дедушке:

*Дед Илья, всевидящий и мудрый,
А ведь ты действительно про-рок! -*

воскликает с теплотой и нежностью автор. А чувство дома своего неразрывно

связано с большим домом, с родной землей, “своей державой”, где жили наши предки, чью жизнь продолжаем мы. И как они, мы видим “старый колодец, который “вдруг стрельнет зеленым глазом из-под сросшихся бровей”, дивимся подо-рожнику “с развесистыми ушами”, останавливаем долгий взгляд “на ромашковой дорожке”, слышим “мерный залихватый звон бубенца”.

Восприятие жизни у поэта свое: жить - значит мучиться сердцем за все, что происходит с землей, Родиной, с нами. Его стихи “о жизни и смерти, о родителях и детях”, о “двужильных матерях-солдатках”, познавших лихолетье и голод войны, когда “пухли руки, пухли ноги, человек слабел и слеп”, о долге и памяти - о вечном; в них боль за ушедших и погибших в Афганистане, где “нашим мальчишкам кры-лья обломали, кому-то душу обожгли”; в них безмерная любовь к “сладкому и горькому дыму Отечества”.

Метафоричны и красочны картины обыденной жизни: “петух зарю на греб-не выносит из ворот”, “у старых яблонь на коре дедовы морщины”, “плачет шум-ливая стайка осин”.

Множество олицетворений дают возможность автору создать живые поэти-ческие образы, трогающие наши души. Иначе быть не может: ведь поэт сам обна-жает душу и заставляет нас пристально, с любовью посмотреть на свой “городок - былинный, древний, русский... сиренью запорошенный”, свою “родину-державу”, хоть маленькую, да свою: заставляет услышать, как “снежный ветер ударился в пляску, и голосила вьюга за селом”. Во многих его стихотворениях слышится не-поддельная тревога, обращенная к каждому, чтобы землю берегли, не забывали корней своих, чтобы помнили:

***Сколько за Россию
Полегло богатырей.
Это имя горько оросили
Слезы скорбных жен и матерей.***

Познавая мудрость жизни, Иван Васильевич передает ее нам в “Лирических тетрадах”. Голос его звучит негромко, но уверенно, вселяя надежду и веру:

***Живи, не горюй и не думай,
Что ты на земле одинок!***

В. Мамаева, преподаватель
русского языка и литературы
Мценской средней школы № 1,
заслуженный учитель.

Автограф Николая Брауна на книге своих стихотворений.

“Ивану Александрову.

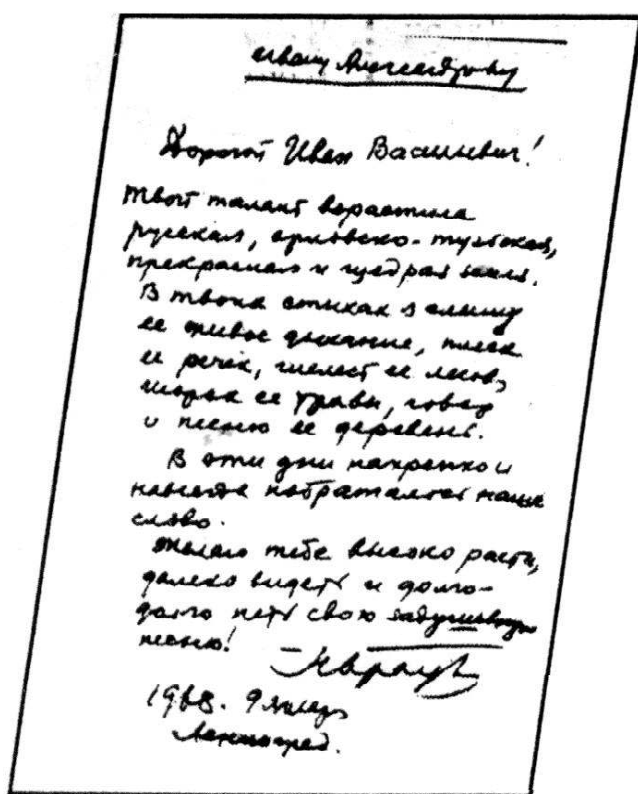
Дорогой Иван Васильевич!

Твой талант взрастила русская, орловско-тульская, прекрасная и щедрая земля. В твоих стихах я слышу ее живое дыхание, плеск ее рек, шелест ее лесов, шорох ее травы, говор и песню ее деревень.

В эти дни накрепко и навсегда побраталось наше, слово. Желаю тебе высоко расти, далеко видеть и долго-долго петь свою задуманную песню!

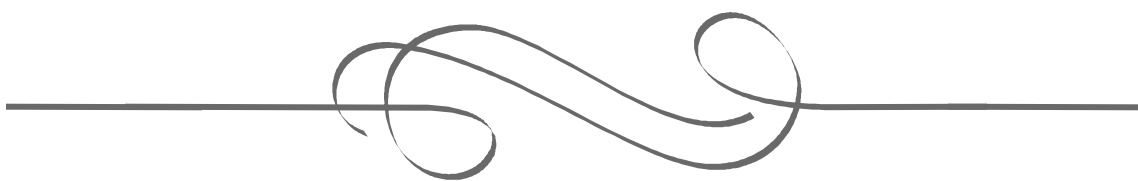
Н. Браун.

1968 г., 9 января. Ленинград”.

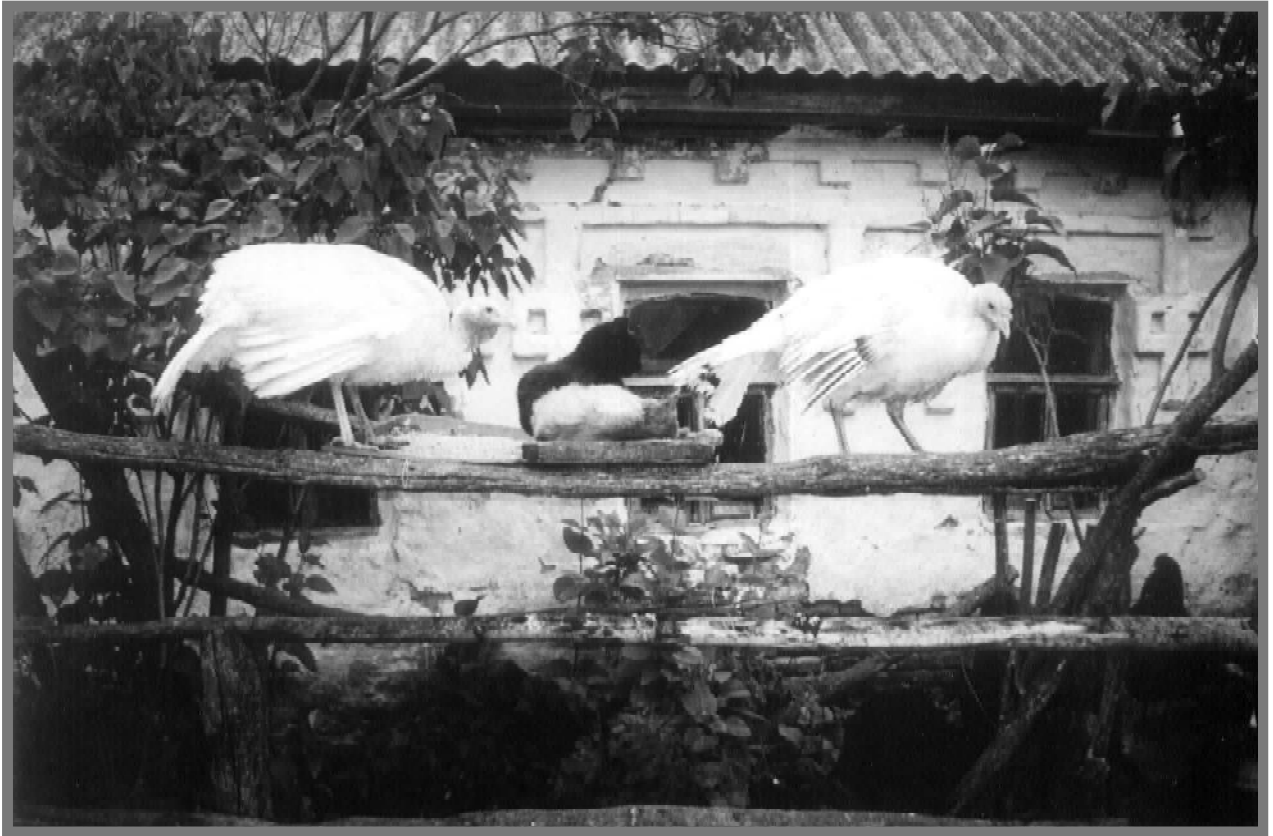
Примечание.

Николай Браун, известный советский поэт, автор тридцати поэтических книг, близко знавший Сергея Есенина и Анну Ахматову, много лет заведовавший отделом поэзии в журнале «Звезда», живя в Ленинграде, с нежностью и грустью вспоминал родные тургеневские места, “парахинские кусты”, проявлял живой интерес к творчеству писателей-земляков, в том числе к поэзии Ивана Александрова. На одномомнике своих стихотворений он оставил памятный автограф.

***УГОЛОК
ДЕТСТВА***

Дом, где родился поэт.

**Под окном родного дома в Гудиловке:
отец - Василий Иванович
мать - Анна Емельяновна**

РОДОСЛОВНАЯ

Отец – Александров Василий Иванович. Родился в 1912 году в д.Кислино. Колхозник, грузчик в Луге. После войны в 1946-1947 г.г. председатель колхоза «Победа». Работал плотником в Туле. Вернулся в деревню, был егерем, заготовителем.

В 1939 г. призвали на действительную службу, строил укрепления. Рядовой, сержант воевал, был контужен. Служил санитаром в санитарном поезде. Воевал в Германии, привез оттуда сыну Ивану старый велосипед и детское пальто.

Мать – Александрова Анна Емельяновна. Родилась в д.Гудилово в многодетной семье. В 18 лет вышла замуж за Александрова Василия Ивановича. Родила трех детей. Всю жизнь проработала в колхозе. Образование – ЛИКБЕЗ.

Дети – Иван Васильевич 1932 г. рождения.

Мария Васильевна 1935 г.

Екатерина Васильевна 1938 г.

Дед И.В. по отцу: Степушкин Иван Минаевич. Жил в д.Кислино. Женился на Акулине Александровне Маношиной из д.Власово. Воевал, погиб в I мировую войну. Акулина Александровна осталась с ребенком 5 лет. Вышла замуж в Гудилово за Александрова Илью Илларионовича, который усыновил сироту Васю. Так Илья Илларионович стал дедом Ивану Васильевичу.

Стихотворение «Табак» посвящено деду Илье книга «Багряные листья» стр. 58.

Дед И.В. по матери: Шавыркин Емельян Дмитриевич. Простой деревенский мужик, рябой, компанейский. Любил выпить, был лучшим косарем среди косарей деревни. В голодные годы уезжал с женой Марией Игнатьевной в Донбасс на заработки. Работал шахтером. Возвращался с приплодом. Приезжая в Гудиловку, устраивал кутежи, потом снова на заработки. Работал в колхозе, сторожил конюшню. Маленький Ваня часто бывал у деда Емели «на Рынке».

Стих «Рынок» из книги «Багряные листья» стр.61.

Дед Емеля научил внука косить. Деду Емеле посвящено стихотворение «Побирушка» в книге «Пучок калины» стр. 15.

У Емельяна Дмитриевича и Марии Игнатьевны было 6 детей: четыре дочери и два сына.

Дочери: Матрена, Полина, Акулина и Анна (мать Ивана Васильевича).

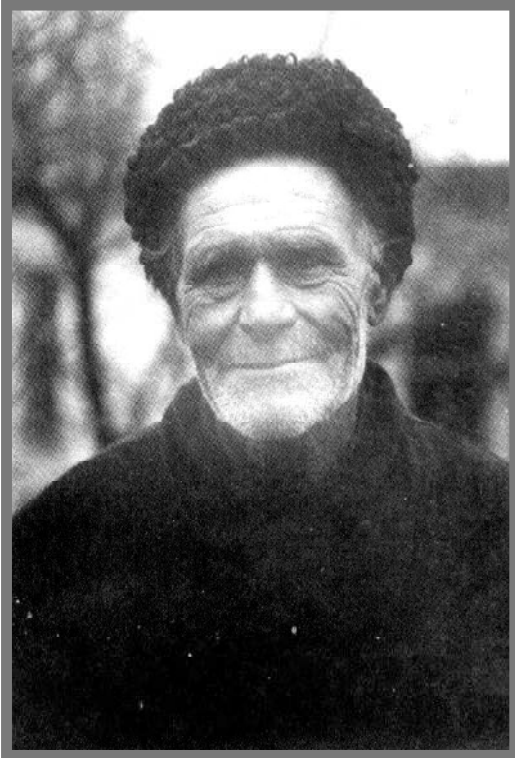
Сыновья: Гаврик, Ефимка.

Гаврик умер в детстве. Ефим работал секретарем Власовского с/с. Женился. В 1939 году был призван в армию. Простудился, схватил воспаление легких и умер. Дед Емеля переживал, умер в 1942 году в Гудиловке. Хоронили его на Кислинском кладбище военные.

Бабушке Маше посвящено стихотворение «Забавница» книга «Багряные листья» стр.60.

Табак

*Памяти моего дедушки
Ильи Илларионовича*

**Дедушка поэта
Илья Илларионович
Александров.**

Заядлый спорщик и чудак,
Обиженный судьбою,
Любил высаживать табак
За ветхою избою.

Он обрывал махровый цвет
Без вдоха, без оглядки,
И удивляли белый свет
Ухоженные грядки.

Зато в лихую кутерьму,
В пуржистый зимний вечер,
Брели курильщики к нему
На дружеское вече.

А я слонялся по углам,
То радуясь, то хмурясь,
Вдыхая с дымом пополам
И мудрость их,
И дурость.

А дедов дом для сходок был
Совсем не подходящим,
Поскольку дед — на диво! — слыл
Не пьющим, не курящим!

27 июля 2005 г.
д.Гудилово

Ивану Ивлеву

Вспоминаю радостно и грустно
Школьные далекие года.
Утром было холодно и пусто,
Замерзала в чайнике вода.

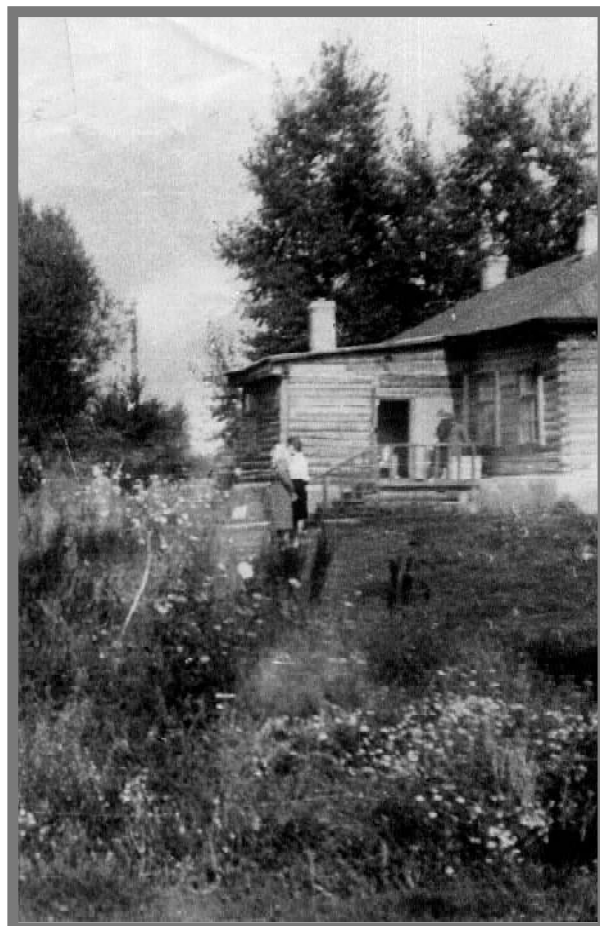
Раньше всех
Являлось солнце в школу,
Занимало парты и столы
И улыбкой теплой и веселой
Согревало мерзлые углы.

За ночь охлажденная ветрами,
Раскалялась неохотно печь,
И врывалась,
Хлопая дверями,
Пестрая мальчишеская речь.

С детства
Доходяги и трудяги,
Мы спешили одержимо жить
И горели неуёмной тягой
Всё познать и переворшить.

С этой доброй завистью и жаждой
За столы садились пацаны,
Чтоб писать чернилами из сажи
Золотую летопись страны.

6 февраля 2001 г.
д. Гудилово

**Кислинская семилетняя школа,
которую закончил И.В. Александров в 1948 году.**

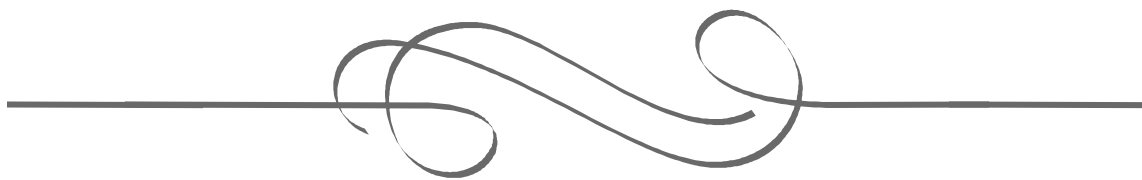

Утро вечера мудреней.
Поговорка

Поэты выдают стихи,
Как будто в час вечерний
У них горланят петухи
На несколько губерний.

А утром воздух свеж и сух,
Весь из прозрачной сини,
И может статься, мой петух
Рванет на всю Россию!..

19 января 2005 г.
д. Гудилово

***ВСТРЕЧИ,
КОНФЕРЕНЦИИ,
ПРАЗДНИКИ***

23 - 26 мая 1977 года

*ДНИ СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ
И КУЛЬТУРЫ В ГОРОДЕ ОРЛЕ*

ПАРК им. М.ГОРЬКОГО

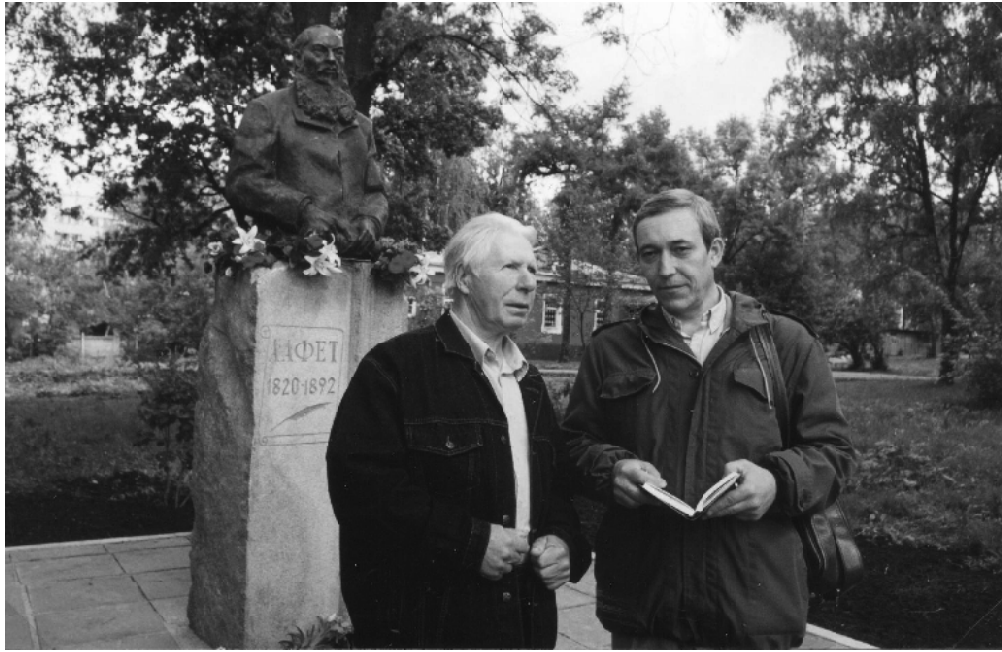
-ОТКРЫТИЕ ФЕТОВСКОГО ПРАЗДНИКА

- ВРУЧЕНИЕ ПРЕМИЙ им. А.ФЕТА.

Слева - направо:

В. Катанов
Н. Бухарин
А. Апасов
К. Скворцов
В. Дронников
Г. Попов
В. Таничев
П. Проскурин
И. Мосякин
И. Александров
И. Собилло
Ю. Шестаков
Н. Перовский

Открытие памятника А.А. Фету

Снимок на память:

И. Александров - г. Мценск
Ю. Шестаков - г. Ленинград

Через полчаса в парке им. М. Горького их объявят лауреатами Всероссийской
литературной премии им. А.А. Фета

31 января 1999 года

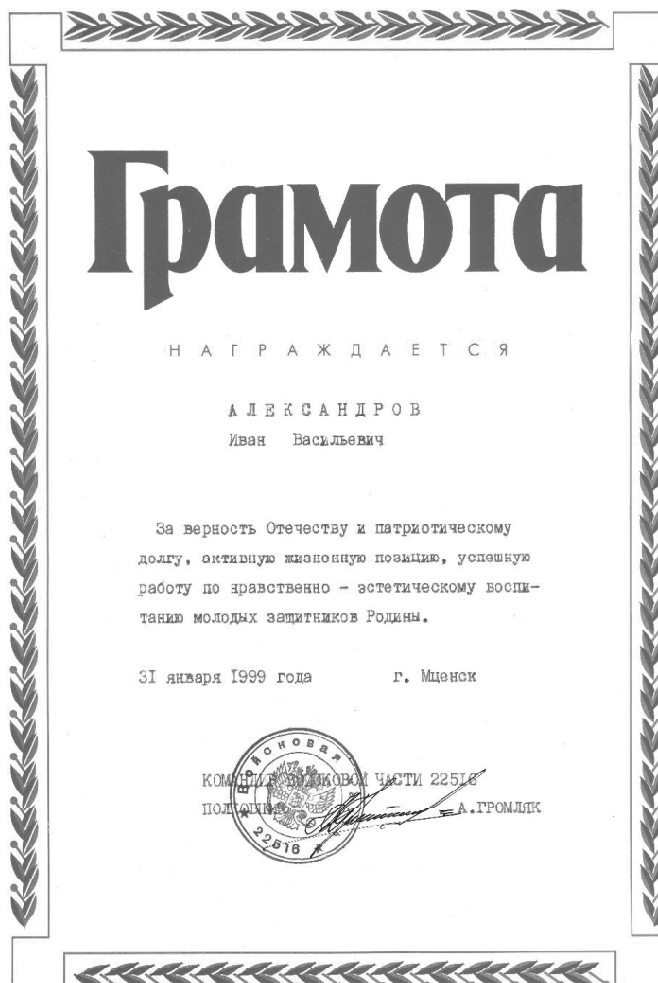
Воинская часть
22 516 г. Мценск.

Встреча с личным составом воинской части

Полковник Новоселов Юрий Анатольевич благодарит за встречу с воинами.

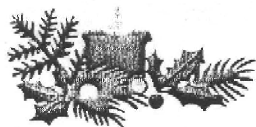

Программа
литературной конференции
«Я помню чудное мгновенье...»
к 200-летию А.С.Пушкина.

Мценская городская библиотека им. И.А.Новикова
15 апреля 1999 г.

- I. **«Почётный гость Мценска»**
Выступление поэта, литератора, члена Союза писателей
России И.В.Александрова.
- II. **«Талисман Тургенева»**
Доклад научного сотрудника музея-заповедника Спасское-
Лутовиново Л.М.Кондрашовой.
- III. **«И.А.Новиков – пушкинист»**
Доклад Мценского краеведа Н.Н.Козеева.
- IV. **«Н.Н.Гончарова – правда и ложь»**
Лирический этюд-исследование поэтессы, журналистки
М.С.Корчагиной.
- V. **«Любовь в жизни и стихах А.С.Пушкина.»**
Доклад методиста Мценской библиотечной системы
А.Л.Абаничевой.
- VI. **«Друзья и враги Пушкина»**
Доклад читателя библиотеки, подполковника в отставке
А.В.Конопля.
- VII. **«Маленькие трагедии» А.Пушкина**
Доклад преподавателя Мценской гимназии Е.В.Артёмовой.
- XI. **«Борис Годунов»; история трагедии или
трагедия истории.**
Доклад ученика 9 кл. Артёмова Павла.
- XI. **«Велению Божию, о Муза, будь послушна»**
Доклад ученицы 9 кл. Швеца Татьяны.

“Светлая память, горькая память” - рассказ о почетном госте Мценска Григории Григорьевиче Пушкине, правнучке поэта. (Июль 1977 года)

И. Александров

У Лукоморья дуб зеленый...

Дочь

Давно стихи забронзовели
И сам забронзовел давно.
А дочь в любые дни недели
К нему приходит все равно.
Присев на краешке скамейки
У памятника на виду,
Она смежает скорбно веки,
Припоминая ту беду.
Вся в черном – суцая монашка,
Оберегая свято честь,
Вздыхает пушкинская Машка,
А Машке – восемьдесят шесть...
Застенчиво и оробело,
Как сквозь магический кристалл,
Она на Пушкина глядела,
Но он ее не узнавал...

Мужья

Пришли иные времена,
Иные торжества в разгаре.
Единоверная жена
Свела их на Тверском бульваре.
Один из сказочных мужей
Признался с тихой печалью:
- Я приютил твоих детей,
Я защитил твою Наталью...
- Я сам их видел, генерал,
Твои заботы и печали.
Я никогда не умирал –
Меня лишь в бронзу заковали:
Чтоб вольнодумец и злодей,
Ревнивец пылкий и упрямый,
Я больше не страшил царей
И не дразнил их эпиграммой!

У Лукоморья дуб зеленый

При виде строк и строф крученных
Меня охватывает злость:
О, сколько их, котов ученых,
На этом свете развелось!
 Поройся в книгах и журналах,
 Библиотекаря спроси:
 О, сколько белок и русалок
 На поэтической Руси!
Я так люблю весну и осень
За необычную красу:
О, сколько их, берез и сосен,
Поэзия, в твоём лесу!
 И лишь шумит могучей кроной,
 Корнями уходя в века,
 У Лукоморья дуб зеленый,
 Один-единственный пока.
И все леса благоговеют
Перед его резным листом.
И никогда не заржавеет
Златая цепь на дубе том.
 И все мы не похожи вроде
 Своей судьбой ни на кого,
 И все поныне ходим-бродим
 На той цепи вокруг него!

1 сентября 1999 года

Дом культуры в селе Алябьево

День знаний

Короткий рассказ о подвиге Ивана Леонова:

- Вот такие славные люди жили в далекой-далекой советской стране, вот таких патриотов воспитывали советские учителя, советская школа.

Урок знаний в Алябьевской сельской библиотеке.

Ученица 11 класа Гуля - дагестанка задает каверзный вопрос автору.

26 января 2000 года

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ им. Г.Ф. Соловьева.

Встреча с учащимися и учителями школ № 1, 2, 4

А помните: мы к вам приходили с Ольгой Афоничевой за книгами? - спрашивает Татьяна Петровна Малинкина, словесница школы № 1.

- Мы тогда были еще школьниками.

- Задавайте вопросы, желательно каверзные!

Директор музея С.Л. Гринев благодарит за встречу и вручает книгу В. Фалина "Конфликты в Кремле".

Свет нашей жизни

Поэзия Ивана Васильевича Александрова имеет свое неповторимое лицо, как и он сам, - человек необычайно интересный. Его можно назвать ходячей энциклопедией – так много он знает. Иван Васильевич может быть резким и прямолинейным. Он неподкупен и честен, что ныне – самый большой наградной знак.

Земляки возвели Ивана Александрова в ранг почетного гражданина, к чему поэт относится с самоиронией.

Амчане любят своего поэта, гордятся, что он – наш, коренной, мценский. А поэт, лауреат литературной премии Фета, балует встречами нечасто. В отличие от многих других братьев по перу он очень скромен. Но уж если встреча состоялась, Иван Васильевич выкладывается до сердечного волнения.

Так, по инициативе старшего научного сотрудника музея Г.Смоляковой недавно прошло общение Ивана Васильевича с учащимися и преподавателями школ №№ 1, 2, 4. Как он говорит, дорогой ему публикой.

Оно началось с рассказа И.Александрова о его встрече с тульским поэтом Родичевым, поведавшим Ивану Васильевичу о горестной ныне жизни в Туле Героя России Ивана Леонова, в прошлой великой войне сбившего множество немецких самолетов, оставшегося без обеих рук. Герой не сдался обстоятельствам и после лечения опять летал на самолете и сбивал врагов. А сегодня подвиги в забвении, бал правят доллары.

Поэт читал стихи, посвященные подвигу 28 панфиловцев, Зое Космодемьянской, «Прощай, прощай и помни обо мне...», о Чечне и о войне.

Наверное, редко кто не знает наизусть стихи о Мценске:

*Городок – столица захолустья,
Задремал у зушских берегов.
Веяло сиреневою грустью
От его задумчивых садов...*

Ивану Васильевичу задавали вопросы, просили прочитать стихи о природе и любви. Он – автор десяти книг, стихи его положены на музыку. О его безмерной любви к родному краю говорят даже их названия, сочные и звонкие, как родники на мценской земле: «Журавинка», «Снежедь», «Ядринка»... прозаический сборник «Анютини глазки».

Последняя книга получила имя «Свет».

М. Корчагина

Тургеневский праздник
"Дворянских гнезд заветные аллеи..."
 1 июля 2000 г.
Программа

10.00 – Открытие праздника. г. Мценск, памятник И.С. Тургеневу.
 11.30 – Духовная святыня России. с. Сп. –Лутовиново.
 17.00 – Возложение цветов к памятникам И.С. Тургеневу и Л.Н. Толстому, п. Чернь Тульской обл.
 19.00 – Фольклорный праздник. Бежин Луг.
 22.00 – "О, мой творец! Не дай мне позабыть, что все еще я молод". Ночной спектакль под открытым небом на Бежином Луге.

Гости Тургеневского праздника во Мценске:
 слева - направо:
 Л. Золотарев - (Орел)
 А. Лысенко - (Орел)
 С. Куняев - (Москва)
 Г. Попов - (Орел)
 Художники (Орел)
 В. Дронников - (Орел)
 И. Александров - (Мценск)

Стихи о Тургеневе

Матушка

Загрустила о блудном сыне,
Что прижился в чужом краю.,
Шлет ему посылку из России
И молитву слезную свою.

«Возвращайся на свои проселки,
Скучно им без твоего следа.
По тебе молоденькие елки
День и ночь вздыхают у пруда.

Столбовая русская дворянка,
Я желаю только одного,
Чтобы ты проклятую цыганку
Вытурил из сердца своего.

Умоляю, дорогой и милый,
Чтобы под счастливою звездой
Ты построил собственную виллу,
Свил бы себе теплое гнездо».

Долгой и неведомой дорогой
Шла посылка с шелковой тесьмой,
И счастливец трепетно потрогал
Редкую диковинку рукой.

А потом оторопело замер,
Неспособный разумом постичь,
Как возник перед его глазами
Спасско-лутовиновский кирпич?

Возвращение

Июльские грозы базили,
Горланили птахи окрест,
Когда он вернулся в Россию,
В возлюбленный Мценский уезд.

Поднялся над тихую Зушей
Великий ее гражданин,
Лаская озябшие души
Немеркнувшим светом седин.

Тревожно над статуей в парке
Плывут облака и века,
Восторженные амчанки
Боготворят земляка.

Они затаенно, по-женски
Ему благодарны за то,
Что он поселился во Мценске
Без этой мадам Виардо!

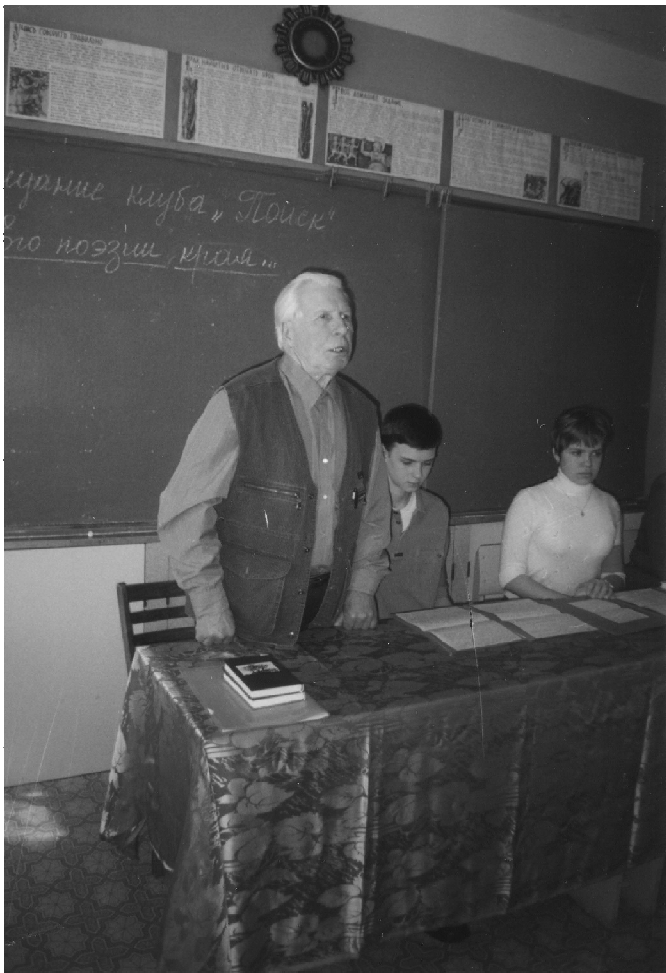
10 апреля 2002 года

Школа-лицей № 5

Заседание клуба “Поиск”
Его поэзии края...

Волобуева Е.П. открывает встречу “с персоной грата”
Иваном Александровым

- Ребята, я всегда чувствую себя очень неловко, когда церемонятся с моей “персоной”.

Поэтическая мозаика. Чтение стихов учащимися и вопросы автору.

Максим Зубов:

- Я не люблю сниматься, но с этим дедом стоит сфотографироваться.

1 апреля 2002 года

Музей писателей-орловцев

Авторский вечер

“О времени и о себе...”

Слово автору.

- Вы утверждаете, что только житейские и душевные страдания являются стимулом для подлинного творчества. А разве чувство радости не может быть источником вдохновения?

- Не спору. Только радость коротка, а страдания вечны.

- Как вы смотрите на свой народ в это смутное время?

- Это очень объемный и тяжелый вопрос. Семинара не хватит, чтобы ответить на него. Если коротко: косо смотрю. Еще знаменитый Васнецов горько сожалел: “Плох тот народ, который не помнит, не знает, не ценит своей истории”. И совсем худо, если этот народ плюет на свою историю и позволяет всякого рода прохвостам исказить ее себе в угоду.

24 декабря 2002 года

Музей писателей-орловцев

Вечер памяти Н.Брауна

Татьяна Викторовна Полушина, старший научный сотрудник музея писателей-орловцев, открывает вечер.

О свои встречах и переписке с Н.Брауном рассказывает Иван Александров.

24 мая 2003 года

Библиотека имени И.А. Новикова

*Презентация книги
“И.А. Новиков в кругу писателей-современников”*

И. Александров “Земной поклон”

Деревня Ильково. У памятника И.А. Новикову.

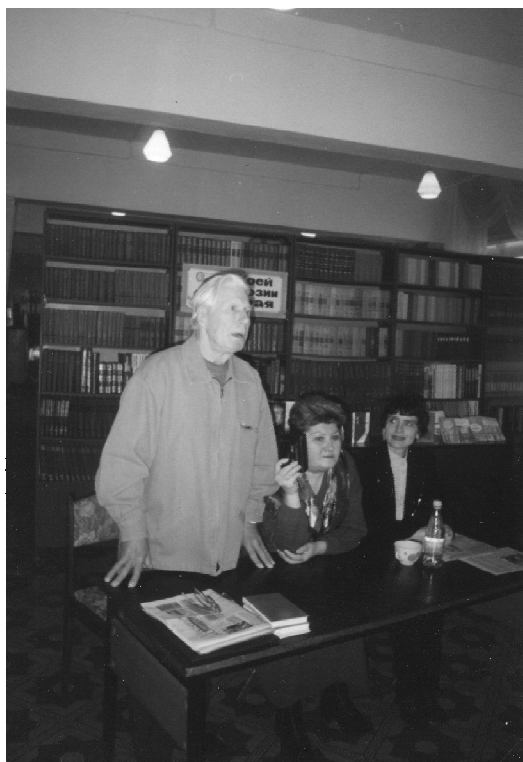
28 октября 2003 года

Библиотека имени И.А. Новикова

Встреча с учащимися 10 класса мценской гимназии

Слушают и думают: “Мы тоже патриоты!”

Мой девиз в жизни и поэзии:
“Поэтом можешь ты не быть, а
гражданином быть обязан”
(Н.Некрасов)

Живые зерна

Мой дед всю жизнь пахал и сеял,
Не вылезая из села:
Мол, только б матушка Расея
Светло и радостно жила.

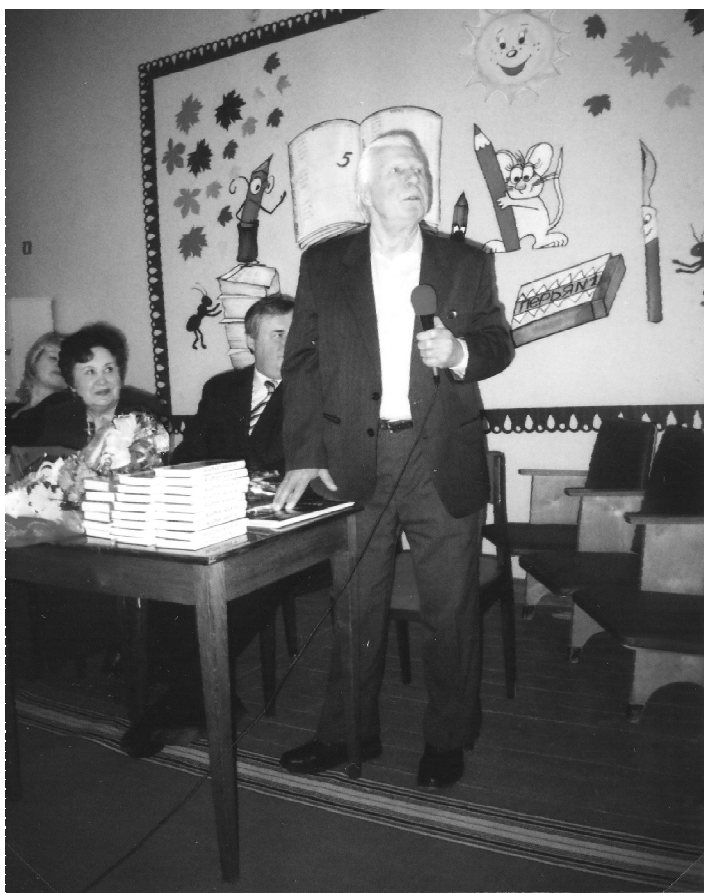
Я горд, что он корпел упорно,
Что не жалел для нас горба,
Что зреют дедовские зерна
В колосьях нашего герба.

В тех зернах крепь моей державы,
Ее достоинство и стать,
И никакой орел двуглавый
Их не способен расклевать.

5 марта 2008 года

Средняя школа № 1

Творческий вечер “Я сквозь сердце пропускаю всех...”

Ответы на вопросы

- Ваша книга названа «Вербный родник». Является ли для Вас верба неким символом?
- Что для Вас значит деревня Гудилово?
- Чьи традиции Вы сохраняете в своем творчестве?
- Чем объяснить, что стихотворение «Господа офицеры» отличается острой социальной направленностью?
- Почему героями Ваших стихов часто оказываются животные: крыса, овца, лягушонок?

Вручение книг с автографами участникам хора и литературного монтажа.

9 апреля 2003 года

Малый зал Администрации г.Мценска

Презентация новой книги стихов И.Александрова “Вербный родник”

Почетные гости:

М.В. Ганичева (главный редактор детского журнала “Русская земля” г. Москва)

С.И. Котькало (секретарь Союза писателей России, главный редактор журнала “Новая книга России” г. Москва)

А.И. Лысенко (директор издательства “Вешние воды” г.Орел)

В.А. Ермаков (редактор книги “Вербный родник”, поэт г.Орел)

А.В. Кузнецов (иллюстратор книги, художник г. Орел)

А.Г. Костянников (художник г. Орел)

А.А. Ермакова (дизайнер г.Орел)

Открыла мероприятие зав.отделом культуры администрации г. Мценска
Заприкута Нина Васильевна.

Гости из Москвы высоко оценили творчество Ивана Александрова и вручили ему почетную грамоту “Век М.А. Шолохова” и нагрудный знак “Память России”.

Слово автору

«Нет счастья вне родины: каждый пускай корни в родную землю», - с душевной болью признавался Тургенев, живший вдали от России.

Я, наверно, счастливый человек, потому что через всю жизнь пронес затаенную любовь к поэтическому слову и родному тургеневскому краю.

Мне явно повезло. В далеком 1970 году я первым из амчан стал членом Союза писателей СССР. С тех пор много воды утекло. У меня вышло двенадцать книжек стихов и прозы, в том числе и «Вербный родник».

Большинство стихов, вошедших в эту книгу, было написано в моей родной Гудиловке, где я жил в последние годы и занимался крестьянским трудом.

Поскольку многие не знакомы еще с «Вербным родником», я прочту несколько стихотворений из этой книжки.

«Таю привязанность сыновью»

«Мне до дома словно до звезды»

«Пастушья сумка»

«Латунный крестик с обелиска»

«Вместе пили, пели, обнимались»

«Пускай мы в бронзе граните»

«Мне снятся давние друзья»

Организатор мероприятия Ирина Анатольевна Александрова.

Поэзия чистой воды

Уже многие в нашем городе и районе знают, что вышел в свет новый сборник мценского поэта, почетного гражданина Мценска И.В. Александрова «Вербный родник». Немало любителей поэзии уже приобрели его. Выпущенная орловским издательством «Вешние воды» книга прекрасно издана, снабжена замечательными рисунками художника А.В. Кузнецова. 9 апреля в малом зале городской администрации состоялась презентация поэтического сборника.

На презентации присутствовали зам. главы администрации И.Н. Глаголева, работники культуры города. Было много гостей: главный редактор детского журнала «Русская земля» М.В. Ганичева, секретарь Союза писателей России, главный редактор журнала «Новая книга России» С.И. Котькало, директор издательства «Вешние воды» А.И. Лысенко, поэт В.А. Ермаков, художник (иллюстратор книги) А.В. Кузнецов и другие.

Презентация новой книги маститого мценского поэта И.В. Александрова – значительное событие в культурной жизни Мценска, сказала И.Н. Глаголева. Мценск – читающий город, поэтому выход в свет новой книги Ивана Васильевича не может остаться незамеченным. Проникновенные, трогающие душу стихи хочется читать и перечитывать. Праздником души назвала это событие М.В. Ганичева, и очень важно, что поэтов в Мценске ценит и уважает власть.

-Я – счастливый человек, - признался Иван Васильевич, - потому что через всю жизнь пронес затаенную любовь к поэтическому слову и к родному Тургеневскому краю. Мне явно повезло. В далеком

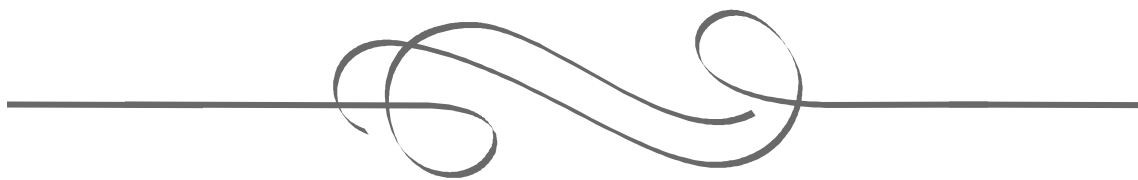
1970 году я первым из амчан стал членом Союза писателей СССР. Воды много утекло, я выпустил 12 книжек стихов.

Поэт прочел на презентации несколько стихов из своего нового сборника: «Пастушья сумка», «Мне до дома...», «Латунный крестик с обелиска», «Вместе пили, пели, обнимались...», «Пускай мы в бронзе и граните...» и другие. Все стихи – новые, написанные в 2001-2007 годах, и написаны они в родной деревне Ивана Васильевича - Гудилово, где он жил и занимался крестьянским трудом – косил, смотрел за скотиной...

Поэзией чистой воды назвал книгу «Вербный родник» поэт В.А. Ермаков. «Многие стихи Ивана Александрова достойны любой поэтической антологии» - так высоко оценил он творчество своего коллеги. Здесь и пронзительный лиризм, и щемящая тоска по прежней деревне, и боль за ее разорение, и острые социальные мотивы, и патриотизм... Ну как не восхититься такими строками:

*Вмятина от резвого копытца
До краев наполнилась водой,
Ежик наклонился чтоб напиться,
И поцеловался со звездой.*

Все собравшиеся пожелали И.В. Александрову творческого долголетия, крепкого здоровья и новых стихов.

***ДОМАШНЯЯ
БИБЛИОТЕКА***

В квартире Ивана Васильевича расположена библиотека, собранная им на протяжении всей жизни. Она насчитывает более 6000 тысяч книг. Сохранилась она в 15 шкафах.

Состав её чрезвычайно разнообразен. Выбор книг, покупавшихся им, определялся требованиями его творчества и интересов.

Здесь имеются большое количество книг по педагогическим вопросам, много книг по истории войн, мемуаров и исторических исследований, книги по социально-экономическим вопросам, о государстве, книги философского содержания, по истории и искусству, народного творчества: былины, сказки, частушки, пословицы, поговорки, много словарей. Наконец, в библиотеке хранятся сочинения русских и иностранных классиков, а также писателей, современных И.Александрову. Огромное количество периодических изданий.

Иван Васильевич читал очень много и долго сохранял прочитанное в памяти.

Особой драгоценностью являются книги, носящие следы чтения: закладки, пометки карандашом.

Библиотека Ивана Васильевича помогает проследить круг тем и вопросов, волновавших его.

На одном из шкафов стоит статуэтка А.С. Пушкина, в других шкафах портреты Есенина, Лермонтова, Пушкина, Толстого, Тургенева.

Многие книги имеют автографы известных писателей, художников и краеведов. Таких книг более 120.

Автографы позволяют судить об отношении их авторов к Александрову. Вот некоторые из них:

1) Дм. Голубков. Окрестность. М., 1971 г.

«Милому, одушевленному и даровитому Ивану Александрову – с дружеской признательностью. 16 августа 1971 г. Москва».

2) В. Горбачев. По зрелой сенокосной поре. М., 1972 г.

«Ивану Александрову – талантливому певцу родной земли милой Орловиш – с уважением! Желаю успехов!»

Вячеслав Горбачев. 27 октября 1972 г. г. Москва».

3) Вл. Лазарев. Рукопожатие. Тула, 1959 г.

«Дорогому Ванюше – грецкому ореху в поэзии, крепкому и ребристому.

Володя Лазарев. 2 января 1960 г., г. Тула».

4) Г.Попов. Дороги утреннего света. Орел, 2009 г.

«Дорогому старшему собрату, русскому поэту от Бога Ивану Александрову с поклоном и добрыми чувствами.

Храни тебя Бог, ибо на Иванах вся Русь держится.

Обнимаю дружески.

Твой Г.Попов. 27 февраля 2009 г., г. Орел».

5) Н.Пузин. Дом-музей Л. Толстого в Ясной Поляне. М., 1971 г.

«Дорогому Ивану Васильевичу Александрову с любовью и признательностью. Николай Пузин. Ясная Поляна. 27 октября 1972 г.

6) Н. Старшинов. Музы на Мезе. Ярославль, 1971 г.
«И.В. Александрову. Не чаял, что в Мценске, близ Бежина луга я встречу поэта – надежного друга.

15 апреля 1973 г. Н.Старшинов.

7) Л. Стефанович. Я люблю тебя жизнь. Бишкек. 2008 г.
«Ивану Васильевичу Александрову – поэту, гражданину, верному сыну России в знак искренней признательности.

С горчинкою «Пучок калины»

В горах Киргизии звучит...

В нем голос Ваш понятен,

К добру взывает не молчит.

Здоровья Вам крепкого, долгих лет счастливой жизни, неиссякаемого творческого вдохновения.

Кыргызстан, г.Каракуль. Сентябрь 2008 г. Л. Стефанович».

8) Л.Фомин. Признание в любви. Орел, 2005 г.

«Ивану Васильевичу – лучшему поэту области от автора. Восхищаюсь, завидую, наслаждаюсь. Ваш поклонник. Л.Фомин. 16 декабря 2008 г. п. Долгое.»

9) А. Салтыков. Музей древнерусского искусства. Художник, РСФСР, 1981 г.

«Александрову Ивану – чистому русскому поэту и человеку, в день знакомства. Благодарю Вас, что Россия еще в одной капельке чистой души отразилась. С искренним уважением Олег Маслов. Орел. Старый Новый год, 1998 г.»

10) В.Белов. Повести и рассказы. М., 1980 г.

«Ивану Александрову, добрых дел и доброго здоровья! В. Белов. 28 октября 1994 г.»

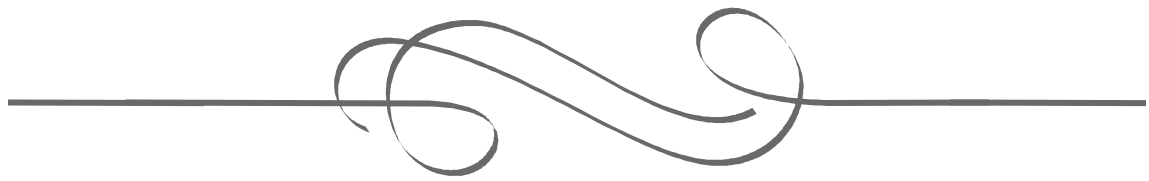
11) В. Распутин. Век живи – век люби. М. 1985 г.

«Ивану Васильевичу Александрову от автора. Искренне. В. Распутин. 28.10.1994 г. Орел».

12) Вл. Власов. Дворянская усадьба Бунино. Орел. 2007 г.

«Дорогому Ивану Васильевичу, одному из лучших орловских поэтов всех времен, подлинному летописцу Орловского края в юбилейные дни с пожеланием крепкого здоровья, больших житейских радостей, исполнения всех планов и желаний – от автора.

Г.Орел, 19 февраля 2007 г.».

***ИМЯ И ДЕЛА
ЖИВУТ,
КНИГИ ГОВОРЯТ..***

Смерть может остановить сердце поэта, но это не распространяется на его идеи, дела и стихи.

Получив читательское призвание при жизни, они долго живут в памяти людей, бережно хранящей все дорогое, светлое, национальное...

Судьба писателя – это жизнь книг, созданных им и оставленных людям.

Иван Васильевич выпустил 14 книг.

1. ПОДСНЕЖНИК	1963
2. ЗЕМЛЯНИКА	1966
3. ЯСЕНЬ	1969
4. АНЮТИНЫ ГЛАЗКИ	1972
5. СНЕЖЕДЬ	1974
6. ЯДРИНКА	1976
7. ЖИВЫЕ ЗЕРНА	1977
8. ЖУРАВИНКА	1981
9. ЩЕГЛЫ	1991
10. СВЕТ	1997
11. ПУЧОК КАЛИНЫ	2001
12. ВЕРБНЫЙ РОДНИК	2007
13. БАГРЯНЫЕ ЛИСТЬЯ	2008
14. ПАСТУШЬЯ СУМКА	2010

В 2012 году Ивану Васильевичу Александрову исполнилось бы 80 лет. На городском кладбище на могиле поэта был открыт памятник. К подножию легли живые цветы. На обратной стороне памятника автограф Ивана Васильевича.

*«Снова сердце затаенно бьется,
Каждой клеткой доказать спеша,
Что вовек была и остается
Родиной поэзии душа!»*

Ив. Александров

День гордости и печали

10 ноября 2011 года состоялась торжественная церемония открытия мемориальной доски на здании Краснооктябрьской основной школы, где работал известный поэт и педагог, член Союза писателей России, лауреат литературной премии им. Фета, почетный гражданин Мценска и Мценского района И.А. Александров.

У старого усадебного дома, стены которого еще хранят память о Тургеневе и Фете, собрались писатели и журналисты, представители местной власти и общественности, школьники, жители деревни Волково и все те, кому дорого творчество Ивана Александрова. Они с большой теплотой и глубоким уважением говорили о заслугах человека, воспевшего в своих стихах родной край и русскую деревню, внесшего огромный вклад в развитие литературных традиций Орловщины и воспитание подрастающего поколения. Иван Васильевич, говорили выступавшие, был истинным патриотом и подвижником земли мценской. Память о нем крайне важна для современников.

Василий Рубцов, председатель районного Совета народных депутатов, руководитель оргкомитета по установке памятного знака: «Это был замечательный человек, чья гражданская позиция, искренность, чистота помыслов и чувств служат для нас предметом гордости и образцом для подражания. Его стихи, пронизанные особой любовью и нежностью к своей малой родине, заставляют нас задуматься о будущем нашего края...»

Василий Рубцов, председатель районного Совета народных депутатов, руководитель оргкомитета по установке памятного знака: «Это был замечательный человек, чья гражданская позиция, искренность, чистота помыслов и чувств служат для нас предметом гордости и образцом для подражания. Его стихи, пронизанные особой любовью и нежностью к своей малой родине, заставляют нас задуматься о будущем нашего края...»

Геннадий Тюрин, доцент Орловского государственного университета, кандидат филологических наук: «Мы знаем Ивана Васильевича по десяткам поэтических книг, но его дарование многогранно - он и талантливый педагог, и плодотворный публицист, и беспристрастный критик, и историк, и прозаик. Он - достойный продолжатель традиции русских Иванов в литературе: Ивана Бунина, Ивана Новикова... Поэзию Александрова можно было бы отнести к «тихой лирике», если бы она не была такой страстной, вздыбленной. Думаю, что ближе всего к ней подходит определение «почвенническое направление в литературе» - от слов «почва», «земля», «родина»...»

Юрий Оноприенко, писатель, журналист, лауреат премии им. Бунина: «Иван Васильевич рассказывал мне о родной Гудиловке, учил, как топить печку. Мы много говорили с ним о литературе, об искусстве, о жизни. Честнейший человек, прямой, каких мало на земле, он умел сказать правду. Это был настоящий мужик. А мужик - самое святое звание на Руси. Иван Васильевич тоже так считал...»

Оргкомитет по сбору средств, изготовлению и установке мемориальной доски почетному гражданину Мценского района И. В. Александрову, утвержденный постановлением Мценского районного Совета народных депутатов от 23.10.2011 № 81, благодарит граждан города и района, работников образования, культуры, органов местного самоуправления Мценского района, всех, принявших активное участие в данной акции.

В. В. РУБЦОВ,
председатель Мценского районного
Совета народных депутатов

Владимир Старых, член Российского творческого союза работников культуры: «Его квартира была обширнейшей библиотекой, фонд которой постоянно менялся, очень много книг он дарил библиотекам и школам района, часто - со своими посвящениями и автографами...»

Виктор Садовский, поэт, музыкант, лауреат Всероссийской литературной премии «Вешние воды»: «На его стихи я написал несколько песен. Это поистине народный писатель, произведения которого легко и органично ложатся на музыку. Ребята, читайте стихи Ивана Александрова, потому что лучше стихов о вашем родном крае нет!»

Директор издательства «Вешние воды» Александр Лысенко и заместитель директора Орловского дома литераторов Алексей Кондратенко горячо поблагодарили районную администрацию и лично главу района Ивана Грачева за помощь в издании сборника поэта «Пастушья сумка». Эта книга, вышедшая в свет уже после смерти автора, получила широкое признание в кругу литературоведов и была высоко оценена на международных книжных выставках в Турине (Италия) и Москве.

Владимир Ермаков, заслуженный работник культуры РФ, редактор-составитель сборника: «В процессе работы над этой книгой я пришел к убеждению, что ее автор является классиком нашей поэзии, ибо никто не отразил так трагическую и героическую судьбу российской деревни на современном этапе истории, как он. Издание книги я считаю настоящим памятником Ивану Александрову».

Но не только в книгах живет память о поэте. Ему посвящены мемориальные уголки, созданные в сельских библиотеках и Орловском отделении Союза писателей России, богатый материал о жизни и творчестве поэта собран сотрудниками районной библиотеки, делающими многое, чтобы молодежь читала и восхищалась им. Словом, благодаря стараниям друзей, коллег по работе, земляков имя Ивана Александрова помнят на мценской земле. Открытие мемориальной доски -ещё одно тому подтверждение. Заместитель главы администрации по социальным вопросам Наталья Щеголева отметила важность этого мероприятия для культурной жизни района.

На открытие мемориальной доски в качестве почетной гостьи была приглашена **вдова поэта Эльвира Матвеевна Александрова:** «Мой муж писал то, что требовало от него время. И люди оценили это, при жизни признав его своим поэтом. Выше такой награды не может быть ничего на свете. Я искренне благодарна авторам идеи и создателям мемориальной доски, всем гостям, которые приехали сегодня, чтобы почтить память Ивана Васильевича Александрова - поэта, педагога, гражданина».

В этот день звучали стихи поэта, наиболее любимые землякам. И особому пронзительно, даже символично, воспринимались такие его строчки:

*В Дубках, да в Лужках, да вСкординке
Смешно нам о славе вздыхать.
Признали бы только на родине,
А где-то успеют признать...*

Елена КАПУСТИНА
Газета «Мценский край»

А 15 февраля 2012 года в 10 часов утра небольшая площадь перед домом № 44-а по улице Советской, где жил поэт, была заполнена народом, собравшимся по случаю открытия мемориальной доски в честь И.В. Александрова.

Когда сняли покрывало с мемориальной доски взору людей открылась надпись:

**В этом доме с 1977 по 2010 г. жил Почетный гражданин г.Мценска,
поэт, член Союза писателей СССР,**

Лауреат литературной премии им. А. Фета

Александров

Иван Васильевич

Не стоит город без поэта

В день 80-летия со дня рождения поэта Ивана Александрова на доме № 44-а по улице Советской, где он жил, открыта мемориальная доска.

На митинг, посвященный открытию памятного знака, собрались ценители творчества нашего замечательного земляка: жители города, литераторы и школьники, представители общественных организаций, трудовых коллективов и властных структур.

Собравшиеся вспомнили Ивана Васильевича - члена Союза писателей СССР и РФ, лауреата всероссийской литературной премии имени Афанасия Фета, премии «Вешние воды», почётного гражданина Мценска и Мценского района. Выступившие на митинге и. о. главы администрации города Мценска Сергей Дыхалкин и заместитель главы Мценского района по социальным вопросам Наталья Щёголева выразили восхищение талантом поэта-земляка, его умением видеть главное в людях и событиях. Член общественной палаты Мценска Юрий Масленников предложил переименовать участок улицы Московской от улицы Советской до городского парка, присвоив ему имя поэта Александрова.

Маргарита Клычникова, бывший директор школы № 1, ветеран педагогического труда, учитель-словесник, сказала:

- Кто для нас Иван Васильевич? Любимец Мценска. Тонкий лирик. Замечательный человек. По профессии он был педагогом, и, когда в 1980-е годы мы стали коллегами, я убедилась - он настоящий учитель: тот, кто сам учится всю жизнь, у кого учатся все, кто рядом с ним. А главным его призванием была, конечно же, литература. Он мало говорил о себе, но много о своём времени, о родной природе и Гудиловке, ставшей для поэта центром русской трагедии: он пытался спасти и защитить её до своих последних дней. Мне кажется, лучшей памятью об Иване Васильевиче стало бы возрождение его любимой деревни. Может быть, мы имеем право открыть ворота в Гудиловку, постоять у родника, послушать пение птиц, посидеть в этих замечательных местах? Кому-то мои планы покажутся маниловщиной, но ведь Мценск имеет своих добрых волшебников. Имею в виду присутствующего здесь Валентина Митрофановича Алек-

сандрова - однофамильца Ивана Васильевича, депутата областного Совета, человека, который стал прообразом лирического героя некоторых стихотворений. Уверена, что власти города и района услышат это предложение и Гудиловка рано или поздно станет значимой точкой в туристическом маршруте нашего края.

Владимир Ермаков, писатель, философ, краевед, лауреат Горьковской литературной премии, отметил, что в орловской литературной среде имя Ивана Александрова навсегда останется как одно из самых знаковых и значимых, и добавил:

- Удивительность Александрова в том, что он был высококультурный человек, филолог, книжник, знающий русскую литературную традицию, как мало кто из современных пишущих и читающих, и при этом он абсолютно не отрывался от корней, от основ нашей жизни. Есть выражение - не стоит село без праведника. В каком-то смысле будет правильно сказать, что город не стоит без своих поэтов и художников: город, не воспетый в стихах, не воссозданный в образах, всего лишь населенный пункт. Мценск - один из старейших и лучших городов России. Он достоин того, чтобы быть запечатленным в культуре. Само отношение Мценска к своему поэту делает всем вам честь.

Право открыть мемориальную доску предоставили Сергею Дыхалкину и вдове поэта Эльвире Александровой. Митинг закончился возложением цветов к памятному знаку.

Татьяна КОЛЕСНИК
Газета «Мценский край»

После митинга состоялся вечер памяти поэта “Моей поэзии края...”

Иван Васильевич Александров, один из немногих, кто сумел проложить мостик к сердцу читателя. И люди оценили это. Признали его при жизни и считали своим поэтом. Выше этого не может быть ничего.

И пусть каждое поколение перелистывая страницы его книг, испытывают радость прикосновения к вечно прекрасному и бессмертному.

Вербный родник

Саше

Может, ночью,
Может, на рассвете,
Просверлив кремнистый материк,
Выбился в туманное столетье
Озорной гудиловский родник.

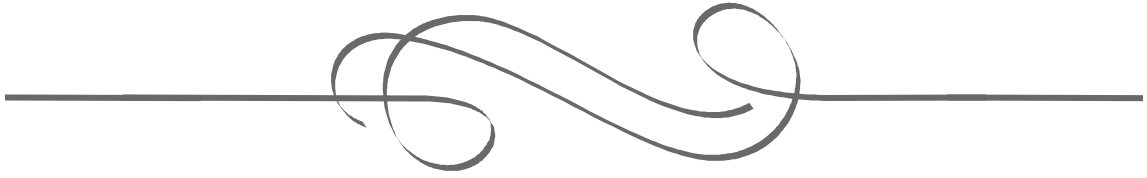
В стае звезд
Безвестных и знакомых
Плыл по небу золотистый серп.
Засыпал родник
Среди черемух,
А проснулся
В окруженье верб.

Будут в нем
Купаться ночью звезды,
Приходить бобры на водопой.
Будут вечно повторяться вёсны
С Вербным воскресеньем
Над рекой.

Я вот-вот уйду или уеду,
Навсегда покину этот край.
Ты, возможно, позабудешь деда,
Но родник заветный навещай.

Не беда,
Что не увидишь сруба,
Подойди, нагнись и поклонись,
Чтобы память заломила зубы
И всплеснула дедушкину жизнь.

9 апреля 2001 г.
д.Гудилово

***ПО СТРАНИЦАМ
ГАЗЕТ И
ЖУРНАЛОВ***

Октябрь

1969 12
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

Ясень

Тула, 1969.

В первых же стихах своего нового сборника «Ясень» поэт Иван Александров утверждает:

*Есть у меня своя держава,
Хоть маленькая, да своя.*

И далее, чтоб худого не подумали, уточняет географически:

*Тепло поэтами воспета
Моя столица — Бежин луг.*

Ну, что же, для такого заявления у автора есть основания: он живет и учительствует в Мценске. А оттуда рукой подать и до Бежина луга, и до тургеневского Спасского-Лутовинова, и до фетовского, менее известного туристам, Козюлькина. А дальше по всей Орловщине немало еще мест, где родились, жили и творили многие славные певцы России. Ведь недаром и по сей день со всех концов земли едут сюда люди, одни — просто полюбоваться природой и подышать этим воздухом, а другие — изучать творчество знаменитых писателей-орловцев.

Ивану Александрову ехать не надо: здесь он дома. И стихи его корнями вросли в эту землю, В его предшествующих книгах были во многом примечательные циклы стихов о Тургеневе и местах, с ним связанных.

В сборнике «Ясень» тоже есть хорошие стихи о природе, о нелегком крестьянском труде, о сегодняшней деревне. Эти темы близки и знакомы Александрову. Он изучал их не в творческих командировках, а на полях в годы выпавшего на войну детства, когда и двенадцатилетний мальчонка считался уже не ребенком, а работником.

Автору не по душе длинные описания. Лучшие его стихи лаконичны, точны по словарю и завершаются, как правило, энергичными концовками.

Вот герой со своими обидами и болями пришел на Бежин луг поделиться с ним невеселыми думами. Мысли, цепляясь одна за другую, уводят его в воспоминания, и вдруг, как луч света, возникает заключительная мысль, которая ставит все на свои места:

*Горит и светится в тумане
Над ворохом обид и ссор
Костер иных воспоминаний,
Святой тургеневский костер.*

Или совсем о другом. В стихотворении «Зерна» автор вспоминает своего деда, который «всю жизнь пахал и сеял», говорит о его нелегкой доле. Все это в первой строфе. А вторая, заключительная строфа от частного неожиданно приводит к широкому обобщению:

*Я горд, что он корпел упорно,
Что не жалел для нас горба.
Что зреют дедовские зерна
В колосьях нашего герба.*

Запоминаются хорошие стихи «Лесной уголок», «Бывало, щеголяли дев-

ки...» и другие. Но программой отношения поэта к природе можно назвать его коротенькое стихотворение, которое я процитирую целиком:

*Природа, ты моя больница
И лучший санаторий мой
Я прихожу к тебе лечиться
Весною, летом и зимой.
Всегда приветливо и нежно
Меня встречает у костра
Березка в форме белоснежной.
Как медицинская сестра.*

Думается, это стихи о чем-то крайне важном, что мы, в особенности горожане, частенько забываем.

Но было бы несправедливо сказать, что Иван Александров пишет исключительно на темы природы и села.

Есть в сборнике достойные внимания стихи совсем другого плана. В первую очередь это относится к циклу «Прощание с Машуком» — четыре коротких эмоциональных стихотворения, написанных как бы свидетелем трагической дуэли Лермонтова. Четкие детали, точно найденная интонация смещают время, отдаляющее нас от этого дня, и перед глазами возникает «кремнистая дорога, нацеленная в грудь» и осиротевший конь, на котором Лермонтов ехал к месту дуэли, и полный отчаяния друг и секундант Лермонтова. Цикл «Прощание с Машуком» — безусловная удача автора.

Не помню, кем сказано, что стихи о любви — это экзамен для лирического поэта. У Александрова любовная лирика составляет целый раздел сборника. Лучшие из этих стихов «Снежедь». «Хозяйка», «Кошка», «На старой полтевской дороге»... В других стихах раздела еще не все устоялось, а кое-где автор попросту перемудрил. Вряд ли можно всерьез относиться к таким строкам, обращенным к возлюбленной:

*Твои глаза слепят, как фары.
А я, как заяц, в их лучах*

Звучание сборника И. Александрова «Ясень» определяется не огрехами, а теми большими и добрыми чувствами, которые он несет на своих страницах. «Ясень» — третья книга автора. Два предшествующих сборника — «Подснежник» и «Земляника» — были по-доброму оценены читателем. Сейчас Иван Александров на пороге вступления в ряды профессиональных литераторов. И мне в заключение хочется обратиться к моим коллегам: будьте внимательны, друзья, перед вами — поэт!

Игорь Ринк
Журнал «Октябрь», 1969 г.

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПРОКСИМЫ ЗОРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2

2011

Душа его металась...

Толстой по-соседски общался с Тургеневым, Фетом, Дьяковым, Абрикосовым и другими мценскими знаменитостями. Он знал мценскую округу не хуже, чем окрестности Ясной Поляны. Не было такого уголка, где бы не ступала его нога. Душа его металась — и он не находил себе места. Случалось, что граф шел пешком от деревни к деревне, заходил в курные хаты, толковал о житье-бытье. «Ужасная нищета!» — сокрушался он, испытывая муки совести. Пытаясь искупить невольную вину, Толстой открывал в десятках деревень Мценского уезда столовые для голодающих, чтобы спасти бедствующих от неминуемой смерти. Молва о его подвижничестве жива доньше.

Лев Николаевич был своим человеком в тургеневских местах. Здесьние родники и речушки помнили седобородого странника, который склонялся над ними, чтобы утолить жажду или омыть усталое лицо.

Память живуча. В пору своей юности я заглянул в Ясную Поляну. Так совпало, что в этот день спилили засохшее «Дерево бедных». Я унес с собой несколько кусочков коры. Они до сих пор хранятся у меня как память о заступнике бедноты.

Имя Толстого запечатлелось в ряде моих стихов.

Толстовская застава

Павлу Базову (выпускнику Тульского госуниверситета)

Рогожинский поселок
Косился на барак.
От мыслей невеселых
Залезешь на чердак.

Я забывал нередко
Барачный неуют.
Накидывал вельветку
И топал в институт.

Налево и направо
Шумел горластый май.
Толстовская застава
Садилась на трамвай.

А я бреду по маю
И сдерживаю прыть,
И голову ломаю,
Как в этом мире жить.

Отбившийся от дома,
Блуждал я много лет,
Как будто шел к Толстому,
Чтоб получить ответ...

Толстовка

Тогда, как бор сосновый,
Стояла конопля,
И нитками суровыми
Сшивала быт семья.

Из этих ниток пряжи
Соткут зимой холсты:
Потом сошьют рубахи
И смастерят порты.

И в той одежде бедной,
Загадочно-простой,
Форсили наши деды
И даже граф Толстой!

Божья милость

Звонарь с утра молитвой грелся,
Перекрестив голодный рот,
Потом гвоздил в обломок рельса
И звал в столовую народ.

Спешили дети пыльной тропкой
За стол спасительный гурьбой.
Кормил то кашей, то похлебкой
Ребят лопашинских Толстой.

Он уезжал, а им казалось,
Что вновь помчался за едой,
И пыль за бричкую взметалась
Седой толстовской бородой...

Журнал “Приокские зори” 2011 г.

№ LVIII-LIX

FORUM ФОРУМ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ

Комсомолу – 90! Собирайтесь, друзья!

2008

БАМОВЕЦ ИЗ ГУДИЛОВКИ

Имя этого парня гремело по всему БАМу, о нем писали областные и центральные газеты, его запечатлели за работой кадры кинохроники. Пришла моя очередь сказать доброе слово.

Случилось это полвека назад. Я выполнил просьбу больной женщины и определил её сына в детский дом.

Сохранилась давняя выписка из личного дела детдомовца: «Машков Иван Федорович.

Родился 25 января 1948 года в деревне Гудилово Теплинского сельсовета Мценского района Орловской области (мать Голубенкова Екатерина Николаевна, отец Машков Федор Иванович).

В 1955 году пошел учиться в Кислинскую семилетнюю школу, где окончил четыре класса.

27 августа 1959 года поступил в детский дом № -1 г. Мценска (путевка Орловского облоно № 297 от 20 августа 1959 года). В 1962 году выбыл в Волховское СПТУ-13. ...Припоминаю, как это было. Я работал инспектором роно, занимался опекой и усыновлением детей-сирот, а также определением их в детдома. В погожий воскресный день выбрался в деревню. Мать шепотом поведала мне, что Катька Керенка «страсть как заболела», просила, чтобы зашел к ней. Екатерина Николаевна была лет на десять старше меня, но после войны вместе косили луга, возили на волах копны в поле. Я, не мешкая, направился в знакомый дом. Екатерина Николаевна обрадовалась моему приходу.

— Васильич, — сказала она по-свойски, — я совсем расхворалась. Наверно, скоро помру. Боюсь, сынишка останется беспризорным. Федор оказался плохим отцом, не прижился в Гудиловке, подался куда-то на Север. Хотела отправить мальчишку в Москву к Иванечиху, брату моему, да он сам ютится в бараке в тесной комнатухе. Определи, ради Бога, Ванюшку в детский дом, чтобы я могла спокойно умереть.

Я попытался утешить Екатерину Николаевну: мол, не падай духом, еще поправишься, встанешь на ноги. Но, на всякий случай, взял заявление. Шел домой и думал: на носу учебный год, надо немедля решать вопрос. Вернувшись в город, рассказал обо всем заведующей роно, переговорил по телефону с директором детского дома. Спешно подготовил документы, съездил в облоно, получил путевку.

27 августа 1959 г. помчался в Гудиловку, забрал мальчишку и доставил его в детский дом. Заметив мою озабоченность, Николай Павлович Теплов, директор детдома, заверил:

— Ничего, обживется, привыкнет, у нас ребята бедовые и дружные.

1 сентября Ваня Машков пошел в пятый класс городской школы. Для него началась новая, необычная, загадочная жизнь.

Вскоре Екатерину Николаевну положили в районную больницу. Мальчишка каждый день бегал проведать мать. Ей становилось все хуже и хуже. Она поняла, что обречена, и попросилась домой. В декабре она от-маялась. Ваня ездил на похороны.

После смерти матери он ходил опустошенный и неприкаянный. Воспита-

тели, как могли, утешали его. Постепенно пригляделся, притерпелся, вошел в житейскую колею. Но деревня еще долго снилась ему и звала домой.

Гудиловская округа с родниковой речушкой, с заливными лугами и густыми перелесками рано пробуждала у сельских ребят интерес к природе, к жизни. Взрослые были заняты артельными делами: то сенокос, то страда, а ребятня целыми днями рыскала по пригоркам и лесам в поисках ягод, грибов, орехов, набивая подтощавшие желудки баранчиками, серпигой, анисом. Заводилой был приземистый, плотный, шустрый мальчуган с озорными карими глазами.

— Малый-то у Катьки Керенки — вылитый дядя Иванечик! — добродушно посмеивались бабы. — Весь в него: и по образине, и по удальству.

Так и присохло ласковое прозвище к пацану. Бывало, нашкодят ребята у кого-нибудь на огороде, по деревне сразу разговоры:

— Да это Иванечик со своими дружками!

Бедовый и проказливый, Иван и в детском доме скоро обзавелся друзьями. Время летело быстро, мальчишка вырос, становился на ноги, обретал самостоятельность. Надеяться ему было не на кого. Директор детского дома был строг и внимателен, заботился о дальнейшей судьбе каждого воспитанника. После восьми классов Машкова направили в Волховское СПТУ-13. Получив специальность электромонтера, Иван вернулся в Мценск, устроился в мех-колону. Отсюда он ушел в армию, а после службы оказался в Орле на заводе дорожных машин.

Романтик по натуре, человек неугомонный и неусидчивый, Машков не мог долго оставаться на одном месте. То ли бродяжий дух, вселившийся в него еще в детские годы в гудиловской глухомани, то ли рассказы матери о дядях, которые в тридцатые годы за излишнее трудолюбие и хозяйскую сметку были высланы в таежные дебри, то ли смутный образ отца, бросившего семью и затерявшегося где-то в чужой стороне, а может быть, все вместе с годами все сильней и сильней будоражило воображение Иванечика и звало в неизведанные края.

Жизнь подсказала ему единственно верный путь. В конце апреля 1974 г. прямо с XVII съезда комсомола вместе с другими орловскими ребятами и девушками поезд уносил его в таежную неизвестность.

По дороге на БАМ комсомольцев-добровольцев на каждой станции встречали и провожали с цветами и добрыми пожеланиями.

3 мая 1974 г. комсомольский десант высадился на пологом таежном склоне, поросшем лиственницами и кедровником. Закипела работа. Расчистили площадку. Разбили палатки. Позже на этом месте возник поселок Звездный.

Ребята работали до упаду, прорубая просеку под электролинию. Случалось, в жаркие летние дни спускались к речке Таюре, чтобы обкупнуться и смыть соленый пот. Ивану невольно вспоминалась далекая Гудиловка и родниковая речушка под горкой перед окнами его дома, в которой научился плавать и нырять.

Работы было по горло. Ивану приходилось трудиться и лесорубом, и плотником, и сварщиком. Жил вместе со всеми в таежных палатках. Обветренный, загорелый, бородатый, искусанный комарами, возвращался он в выходные дни в Кичеру, в свою уютную квартиру, где его ждала жена Галя и голубоглазый карапуз Максимка.

Квартира была украшена причудливыми поделками из дерева. Иванечик с детства был мастак на любое дело: и вершу сплетет, и косу матери наладит, и скамейку подправит. Искусно мастерил свистки из сырой лозинки и брызгалки из вонюки, то бишь из трубки дягиля. Страсть к рукоделью проявлялась у него и здесь.

Подвижный, заводной, смекалистый, он азартно играл на деревенской улице в майки, в лапту и городки. Ловкость и сноровистость показывал и теперь во взрослых играх. Самый маленький из всех игроков, он юрко и метко подавал волейбольный мяч. Его заметил Саша Бондарь и пригласил к себе в бригаду монтеров пути. Семь лет шел Иван плечом к плечу со своим старшим другом, прокладывая магистраль, проявляя усердие, сметку и хватку.

Случилось так, что однажды бригада Александра Бондаря удивила весь БАМ, уложив за сутки 5400 метров рельсов и установив всесоюзный рекорд прокладки пути. Эта бригада постоянно трудилась по-ударному. Александру Бондарю было присвоено звание лауреата премии Ленинского комсомола. Многие его ребята получили заслуженные награды. Ивану Машкову вручили медаль «За строительство БАМа» и памятный знак ЦК ВЛКСМ «За трудовую доблесть».

Машкова часто осаждали журналисты, которые видели в нем героя. — Ну что тут героического? — пожимал он плечами. — Обычная мужская работа. Вот когда строили Комсомольск-на-Амуре, там действительно было сложно и трудно.

Иван Машков отличался не только трудолюбием и деловитостью. Он обладал такими редкими качествами, как душевная привязанность, постоянство в дружбе, стремление к взаимной вырубке. Однажды группа лесорубов оказалась отрезанной от поселка неожиданным паводком. Ребята остались без продуктов, а «Дружба» — без бензина. Машков пошел на явный риск, проявил изобретательность и отвагу. Неизвестными путями он пробрался в поселок, поднял тревогу, поставил всех на ноги. Спешно связали плот, погрузили ящики с продуктами и бочку с бензином. Речка Таюра вовремя доставила бесценный груз по назначению.

Были в жизни Машкова не только тяжкие будни, но и радостные минуты. В августе 1978 года делегация орловцев на четырех мотоциклах «Ява-380» совершила удивительный пробег по БАМу. Встречали их приветливо и радушно. В поселке Звездный их пригласили в музей трудовой славы, где красовались портреты земляков. Орловцы от души благодарили хозяев за оказанную честь, а на память подарили музею вымпел и отчеканенный портрет И.С. Тургенева. Орловцы не раз навещали своих земляков, разбросанных по всей магистрали. В сентябре 1984 года агитпоезд ЦК комсомола колесил по БАМу. Среди артистов заметно выделялся популярный певец Орловской филармонии Лев Георгиевич Мокров вместе с известными баянистами — Михаилом Репкой, Анатолием Кочергиным и Виктором Михеичевым. Естественно, им не терпелось повидаться с земляками.

Они отмахали семьсот километров, чтобы попасть на Бурятский участок, в бригаду Александра Бондаря, где трудились братья Графовы, Бочков и Машков.

Встреча была шумной и радостной. Подкачала погода. Шел дождь, а концерт продолжался. Ребята, промокшие и взъерошенные, были в восторге от музыки, песен, душевных разговоров. Особенно азартно хлопал артистам-землякам Машков: у него у самого была артистическая натура, еще в детстве пристрастился он в деревне к частушкам, песням, пляскам.

В детском доме Иван охотно посещал драматический кружок, хороводился на сцене. Сейчас тоже не оставался в стороне. Машкову явно повезло. В бригаде Александра Бондаря был свой театр, да не простой, а народный, известный на весь БАМ. Носил он романтическое название — «Молодая гвардия». Это не случайно: ребята знали, что они тоже совершают подвиг — трудовой.

Весь БАМ был пронизан светом и романтикой. Еще строились жилые поселки, а в столовых и общежитиях шли фильмы: «Чапаев», «Как закалялась сталь», «Молодая гвардия». Встретиться с бамовцами приезжали известные артисты, писатели, композиторы. Бамовец горячо приветствовал последний из оставшихся в живых героев Краснодона — Василий Левашов.

«Милая, славная молодежь — мужественные строители Байкало-Амурской магистрали! — обращалась к бамовцам Елена Николаевна Кошечкина, мать Олега. — Спасибо вам за верность традициям, за огромный энтузиазм, которым наполнены ваши молодые сердца, за целеустремленность».

Орловские ребята с нетерпением ждали весточки из дома, от души радовались появлению земляков на БАМе. Встречи с ними пробуждали у Ивана Машкова невольные воспоминания о далекой Гудиловке, о красивом дедовском доме над говорливой речушкой. Иван часто навещался в гости к старику Наумову, который еще в начале тридцатых годов начинал строить дорогу. Думается, это был не простой интерес любознательного человека к истории БАМа. Возможно, Машков выпытывал, с кем Иван Лукич горбачил в те времена, надеясь отыскать следы своего дяди Герасима, известного гудиловского плотника, который когда-то был выслан в Сибирь, отморозил руки на лесоповале, не захотел возвращаться в свою семью и умер на чужбине.

Машков видел, как старик Наумов радуется новому поколению бамовцев, одержимых и романтичных, с каким нетерпением ждет он того дня, когда сможет сесть в вагон где-нибудь у Байкала, а выйти на берегу Амура.

Этот день был уже недалек. Путеукладчики неудержимо двигались навстречу друг другу: с запада, от Байкала, бригада Александра Бондаря, а с востока, от Амура, — бригада Ивана Варшавского. Стыковку западной и восточной веток магистрали было намечено осуществить 29 октября — ко дню рождения комсомола. Однако это событие произошло гораздо раньше, ибо подготовка шла суматошно и вдохновенно.

Стояла теплая, солнечная осень. У Байкала цвел багульник. Символическая укладка «золотого звена» магистрали состоялась 1 октября 1984 года на небольшой станции Куанда. Осуществляли эту почетную операцию самые достойные из бамовцев. Настал звездный час Ивана Машкова. Вот как описывает это событие один из очевидцев:

В торжественной тишине прозвучала команда:

— К стыковке главного пути Байкало-Амурской магистрали приступить!

Трубно просигналив, вздрогнули путеукладчики, напряглись тросы, и «золотое звено» мягко опустилось на полотно насыпи.

Замелькал гаечный ключ в руках Ивана Машкова. Грянул оркестр... Пушечная канонада раскатилась над сопками, а в небе расцвел букет огней, и толпа снова зашумела и заволновалась, и радовались невиданному зрелищу дети... Это подвигу бамовцев салютовала страна!»

Бамовская молодежь заслужила эту честь. Ленинский комсомол совершил героический подвиг во славу своего Отечества. Стройка века осуществлялась в невероятно тяжелых условиях: зимой — морозы до 60 градусов, летом — несносная жара, комары и прочая гнусь. «А все-таки хорошо идти вперед!» — признавался Машков в минуты откровения.

За десять лет бамовцы проложили от Байкала до Амура рельсовый путь протяженностью в 3500 километров! По обе стороны магистрали выросло свыше ста современных поселков, а также три крупных города: Северо-байкальск, Тында, Нерюнгри.

Впереди было еще много дел. Строилось жилье, детсады, школы, дворцы культуры. Проводились бамовские встречи, слеты, фестивали.

По-прежнему театр «Молодая гвардия» показывал свой коронный спектакль, и возмужавший Иван Машков взволнованным голосом произносил:

— Я, Сергей Тюленин, перед лицом своих товарищей торжественно клянусь!

Журнал «Форум», 2008 г.

Иван Машков - герой семидесятых...

№ XXXIV-XXXV

FORUM ФОРУМ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ

ВЕРСТЫ ВОЙНЫ. ВЕХИ ПОБЕДЫ

2005

Святые грешники

Встречали восторженно-бурно
В провинции и в Москве
Блистательного трибуна
С заплаткою на голове.

Разглядывал вождь деловито
Реформенные чудеса
И верил в холопскую свиту
И в собственные словеса.

В лихом перестроечном гвалте
Не видел он горькой вины.
Осталась заплатка на карте
От прежней великой страны!

Петух, бесстыжий бедокур,
Похожий на Чубайса,
Приватизировал всех кур
И за индюшек взялся.

Ему плевать на все грехи,
На птичий гвалт и вопли.
Разгорячились индюки
И — распустили сопли...

Трансферт, секвестр, приватизация
Вторгаются в живую речь.
Как от ползучей оккупации
Язык и душу убережь?

Слова под видом инвестиции,
Под дымовой завесой лжи
Без боя перешли границу
И закрепляют рубежи.

Эй, вы, под Тулой и Рязанью
Точите заржавевший штык,
Чтоб не подверглись обрезанью
И наша плоть, и наш язык!

Собирала Русь наречья,
Как по сосенке в бору:
Обучала русской речи,
Русской вере и добру.

Не жалея сил и крови,
Хлебной крохою делясь,
Русь заботилась о кроне,
Укрепляла круто власть:

То мечом, то автоматом,
То плевками батарей,
Чтоб не крыла русским матом
Чудь своих учителей!

Беглянка

Среди луговых купырей,
В кустах земляничного леса
Пасет задичавших свиней
Чеченка из Гудермеса.

А свиньи борзые, как псы,
Пронырливые и шальные:
Вспахали лихие носы
Безбожно луга заливные.

Напомнит растерзанный лес
Воронками, грязью и прелью
Изрытый войной Гудермес,
Израненные ущелья.

Пастушке совсем невдомек,
Что всюду во имя единства
Безропотно — под козырек —
Вершится холопское свинство.

Скрываясь от крови и зла,
Взмывая душой в поднебесье,
Беглянка опять завела
Свою заунывную песню.

Да разве из песни поймешь,
Какая печаль у красули?
— О чем ты все время поешь?
— Да все о России, дедуля...

Ошалело лошади
Скачут по экрану.
А по Красной площади —
Тихо — ветераны.

По брусчатке каменной,
Гладкой и щербатой,
Бродят неприкаянно
Старые солдаты.

Хмурые, недужные,
С горькими обидами,
Никому не нужные,
Богом позабытые.

Все кругом чужое —
И дома, и лица.
Отдалась без боя
Русская столица.

Отгуляли власовцы
Свой парад победы.
Жуковцы да язовцы
Заживо отпеты.

Ложью несусветною,
Выдумкою вздорною
Очернили светлое,
Обелили черное.

Реквием

*Велика Россия, а отступить некуда:
позади — Москва!*

Политрук В. Клочков

Земля тревожно и устало
Гудела далеко окрест.
А поезд мчал из Казахстана
Их на неведомый разъезд.

Бросалась здесь
Под танки осень
За честь отеческой земли.
Дрались бесстрашно
Двадцать восемь
И здесь навечно залегли.

Забыв про небо голубое,
Они со связками гранат
Лежат и ждут сигнала к бою —
Полвека целых здесь лежат.

Лежат, как будто на чужбине,
Прикрыв собой святую пядь.
Что делать им? Куда им ныне
И наступать, и отступать?

Они не знают, воскресая,
Неравный принимая бой,
Что позади Москва — чужая
И Казахстан — уже чужой.

Они не ведают, что снова
Ракета в небо не взлетит,
Что у России нет Клочкова,
Что политрук давно убит...

Брестская крепость

Александр Лукашенко

Я это священное место
Предать и забыть не могу.
Седые развалины Бреста
Доныне не сдались врагу.

Храня гробовое молчанье
И верность славянской душе,
Безвестные орловчане
На славном стоят рубеже.

Чертям и богам неподвластный,
Молюсь, преклоняюсь, горжусь,
Что стала воистину красной
Прекрасная Белая Русь.

Никто — ни холопы, ни князи —
Не в силах ее очернить.
Она отряхнулась от грязи,
Чтоб лик в чистоте сохранить.

Мы стали мудрей и суровой,
Мы знали, что в горестный час
Ближайшие братья по крови
Не отвернутся от нас.

В друзьях и вождях разуверясь,
Вступились они за Союз,
Когда озверевшая нерусь
Распяла Державную Русь.

Ни мира, ни дружбы, ни славы
В обиженной Богом стране.
Развалины прежней державы
Дымятся в крови и огне.

Я вижу заветное место
На дальнем святом берегу.
Доныне защитники Бреста
Прицельно палят по врагу!

В последний год тысячелетья
Вползает куцая страна,
И, оборвав ее соцветья,
Сбежал с позором сатана.

Скрывая черные веянья,
Вконец осточертевший всем,
Он в поздний срок на покаянье
Заторопился в Вифлеем.

Наверняка святым в Россию
Вернется этот дураком,
Поскольку горькая осина
Давно соскучилась по нем!

Случается все у бродяги,
Бредущего издалека.
Укроюсь от ливня в овраге
В дремучих кустах лозняка.

Лишь знают гудящие ноги
Да теплый комочек в груди,
О чем горевал я в дороге,
О чем бы тужил впереди.

Припомнил бы строки из гимна
Во имя гвоздей и людей,
Любивших светло и наивно
Придуманных ими вождей.

А все же нашли лиходея,
Кто был изо льда и огня,
Кто верил безмерно в идею,
В Россию, в тебя и в меня.

Укроюсь в овраге до срока
От ветра и от дождя.
Но где мне спастись от упрёка
И грустного взгляда вождя?

Журнал “Форум”,
2005 г.

Цветет сирень в усадьбе Фета...

Эти стихотворные строки принадлежат перу известного орловского поэта Ивана Александрова, лауреата литературной Фетовской премии, человека незаурядного и талантливое. Недавно в издательстве «Вешние воды» вышла его одиннадцатая книга «Пучок калины».

Появившись на свет божий 70 лет назад, в день Сретенья, когда первая звонкая капля срывается с заснеженной крыши, в небольшой деревеньке Гудилово Мценского района, он и до сих пор остается верен своей малой родине, всеми силами души, ярким поэтическим словом воспевая эту частичку Орловщины. Духом родины веет едва ли не от каждой строчки и четверостишия, и нет, пожалуй, в жизни Ивана Александрова любви сильнее и неизбывнее, чем трогательная и кровная привязанность к своим деревенским корням.

Эта любовь, по-мужски крепкая и немногословная, пронизывает все до единого его стихотворения. Только вслушайтесь в музыку простых, родных и знакомых с детства названий: «Подснежник», «Земляника», «Ясень», «Анютины глазки», «Снежедь», «Ядринка», «Живые зерна», «Журавинка», «Щеглы», «Свет» — это названия стихотворных сборников Ивана Александрова. В них все просто и ясно, искренне и честно. В предлагаемой подборке из сборника «Пучок калины» — стихи, родившиеся в последние годы в деревушке о двух дворах — Гудилово, название которой, возможно, вскоре и останется только в стихах Ивана Александрова, певца родного края.

Ирина Козлова.

Газета «Просторы России», 2002 г.

В конце весны
В начале лета,
В погожий день,
В ненастный день
Цветет сирень в усадьбе Фета.
Цветет в Козюлькино сирень.

Сюда, измученный и сырый,
С кругами синими у глаз,
Пришел герой «Войны и мира»
За исцеленьем в тяжкий час.

Он шел сиреневой аллеей,
Вдыхал сиреневый настой,
И становилась жизнь светлее —
Такой понятной и простой.

Порой бывает нелегко мне,
Порой на сердце ляжет тень,
Я говорю: живи и помни —
Цветет в Козюлькино сирень!

«Водили звезды хоровод...»

Не скрою, с большим удовольствием взял в руки новый сборник стихов «Вербный родник» мценского поэта Ивана Васильевича Александрова. Впрочем, на последней странице обложки оговорено: «Это не сборник стихотворений, это поэтическая книга. Это своего рода поэтический эпос одной деревни, написанный очевидцем ее тихой трагедии».

Иван Александров живет в родной своей деревушке Гудиловке, но знают его по всей Орловщине. Поэт и гражданин, писатель души и сердца всегда говорит честно.

За верность поэтическому призванию и приверженность классической традиции Ивану Васильевичу еще на исходе прошлого века присуждена литературная премия имени Афанасия Афанасьевича Фета.

Высокая интимная лирика в едином поэтическом измерении с эпохой, личная полемика с нелегким временем всей своей горячо любимой страны — вот составляющие, из-за которых новую книгу автора вполне можно считать единым лирическим эпосом.

Тут ведь и жизненная драма человека, и единая драма русской деревни:

*...Никакую тайну и секрет
Невозможно утаить в поселке.
Знали все, что не было и нет
Лишь креста в душе у богомолки.*

Легкие, напевные, но предельно жёсткие слова придают им рубцовскую точность. Это свойство очень редко, ему не научишься, оно живет в душе, которая либо есть, либо её никогда не будет...

*Отбился от дома мальчишка
В тринадцать мальчишеских лет.
Он был по замашкам воршика,
Он был по натуре — поэт.*

Восьмой десяток лет ходит по родной земле поэт милостью Божией. Издал более десяти книг, публиковался в более чем десяти столичных журналах, выступал, наверное, на сотнях читательских встреч и конференций.

Новая книга «Вербный родник» вышла в нынешнем году, на днях, в областном писательском издательстве «Вешние воды».

Сами названия разделов книги весьма поэтичны и настраивают на определенный лад — то приподнятый, светлый, то с подсознательным чувством тревоги.

Вот они, эти разделы: «Белый донник, желтый донник», «По обе стороны дороги», «Вербный родник», «Горстка пепла», «Распутица», «Февраль без вьюги не февраль».

Стихотворения в книге собраны новые, с начала века. Шесть лет назад выпущена предыдущая книга Александрова «Пучок калины» — столько времени требуется настоящему поэту на составление хорошего сборника.

Порой даже две строки создают полноценный образ:

*Любовь, не торопись в постель,
Не совершай самоубийство.*

Или такие строки:

*И на лице её застыла
Полвека зревшая слеза.*

Иван Александров — гордость Мценска, да и всей нашей областной организации Союза писателей России.

Публиковаться он никогда не спешит, работает скрупулёзно. Только так достигается эффект «лёгкого дыхания».

И потому практически на каждой из 360 страниц сборника «Вербный родник» находишь пленительные строки. Скажем, вот эти:

*С землей сровняло время
Деревню и колхоз,
Лишь муравейник дремлет,
В траву упрятав нос...
У них свои заветы,
Свой муравьиный лад,
И с колокольни этой
Они на мир глядят...
Они к заветной кочке,
Как в заповедный храм,
Торопятся цепочкой,
Крестясь по сторонам...*

Это о муравьях? Нет, это о нас с вами, о вечной земле-матушке, что привольно раскинулась окрест.

Неожиданная концовка, совсем как у О. Генри, — признак творчества Ивана Александрова, его изюминка, а по большому счету — высший смысл, сокрытая парадоксальность бытия. Стихотворение «Подсолнух» — яркий тому пример:

*Мимо буйной лебеды,
Мимо молочая
Уходил он от беды.
Головой качая.
Не страшась ни бурь, ни гроз,
Ни худого времечка.
Он по кругу шапку нёс,
Раздавая семечки.*

Строки так и ложатся в песню — да не в абы какую, а в ту, что когда-то пели kobзари и бояны...

В добрый час, Иван Васильевич, не меняй профессию, не меняйся.

Юрий ОНОПРИЕНКО.
Газета «Орловская правда»,
2007 г.

«Как от ползучей оккупации язык и душу уберечь...»

Живет в городе Мценске член Союза писателей России Иван Васильевич Александров. По профессии - учитель, по призванию - поэт. А я бы сказал: поэт-учитель

Его стихи любимы многими, его книги на полках не залёживаются. Он душой и сердцем отзывается на крутые повороты в судьбах своих земляков, на тяжелые испытания России. Об этом говорит и предлагаемая вниманию читателей подборка стихов.

Спасибо за стихи, дорогой Иван Васильевич, творческих тебе успехов.

Владимир АФОНИН.

Встречали восторженно-бурно
В провинции и в Москве
Блистательного трибуна
С заплаткою на голове.
Разглядывал вождь деловито
Реформенные чудеса
И верил в холопскую свиту
И в собственные словеса.
В лихом перестроечном гвалте
Не видел он горькой вины.
Осталась заплатка на карте
От прежней великой страны!

Трансферт, секвестр, приватизация
Вторгаются в живую речь.
Как от ползучей оккупации
Язык и душу уберечь?
Слова под видом инвестиции,
Под дымовой завесой лжи
Без боя перешли границу
И закрепляют рубежи.
Эй, вы, под Тулой и Рязанью
Точите заржавевший штык,
Чтоб не подверглись обрезанью
И наша плоть, и наш язык!

Газета "Орловская искра",
2007 г.

В золоте багряных листьев

На одной из встреч с читателями 6 лет назад Иван Васильевич Александров, почетный гражданин нашего города, автор одиннадцати книг стихов и прозы, лауреат Всероссийской литературной премии им. А. Фета, сказал: “Отродясь не думал-не гадал, что я когда-нибудь состарюсь и ко мне станут применимы строки “Мои года - мое богатство”.

А сегодня он подарил нам радость встречи со своей новой, тринадцатой книгой стихов “Багряные листья” и стал нам ещё ближе - поэт свой, наш, а его осенние, мудрые выводы - это природа, Орловщина, труд, а также раздумья о судьбах страны, о жизни и смерти.

*“Здесь все знакомо и известно,
Здесь жизнь привычна и проста.
И не найти дорожке места,
И не сыскать родней гнезда”.*

Это ли не любовь к родному краю? Чувства, прошедшие через поэтическое слово, у поэта не елейны, не сладостно-глянцево, любовь ко всему - взыскующа и требовательна. Человек всегда в центре внимания, как и все живое: деревья, птицы, звери, а мы, люди, в единении с природой, и по-другому нельзя. Так и ложатся на слух изумительные строки: “Это солнце вышло из за-поя после нудных, затяжных дождей”... “Жаворонок - между облаками, крохотный поющий поплавок”, “А бедовый майский день - снова шапку набекрень”...

От подснежника до осенних листьев идет поэзия и жизнь И.В. Александрова. И всегда сопровождает его твердая, непоколебимая гражданская позиция, правдивость, даже неуступчивость. Там, где другие сдают позиции, Иван Васильевич - как солдат на поле боя, его “бессонная душа” не знает покоя и компромисса. “Буханка легче с каждым днем и с каждым днем дороже”. Кажется, что “мордастое, румяное солнце” соперничает униженным тяжкими реформами россиянам, их стоической выживаемости. “Мы перестраиваем дом и собственные души”...

Когда читаешь стихи о временах года, так и слышишь звуки жизни, зримо осязаешь картинки в Гудилово, малой родине поэта, возле его уцелевшего в вихре перестройки деревенского дома с его мурками и петухами, зайчишками и бобрами, идешь от бытовых, изумительно поэтически поданных зарисовок до высоких, возвышенных, от маленьких, как песчинка, домиков до - великих - родины, России. И жалко все до слез, “ и улыбаешься сквозь слезы.

И так хочется посидеть и помолчать с нашим знаменитым земляком в Гудилово на низенькой деревянной скамейке, увидеть, как из-под стрехи выныривают ласточки, а крапива с трудом отдает созревшую малину. Именно здесь в большей степени все увиденное и услышанное переплавляется в поэзию, в которой автор предстает и романтиком-лириком, (и озорником на грани хулиганства, тонким наблюдателем и аналитиком. Никогда - равнодушным и безразличным.

Как и почитаемого Александровым С. Есенина, “любовь к родному краю” его “томила, мучила и жгла”. Душа его всегда обнажена и болит. Это подвиг

духа и напряжение слуха. Ну а презентация (не любит это чужеродное слово Иван Васильевич!) прошла в библиотеке им. Новикова, как всегда, на одном дыхании: было абсолютное взаимопонимание и радость от встречи с поэтом - гордостью нашей - и друг с другом. “Книжка появилась нежданно-негаданно, - сказал собравшимся И.В. Александров. - Это как поздний ребенок в семье”. “Багряные листья” увидели свет благодаря самой главной музе Ивана Васильевича - Эльвире Матвеевне. Пока муж боролся с болезнью, жена, как он выразился, подсуетилась - и спасибо им обоим от благодарных мчан за дорогой для нас подарок.

Иван Васильевич читал стихи из книги. Прекрасно дополнили его литературно-музыкальная композиция клуба “Лири” учащихся школы № 1 (руководитель Т.П. Малинкина) и аналитическое выступление В.Ф. Мамаевой. Кстати, обе женщины удостоились в книге личных посвящений поэта. Как водится, было много добрых, искренних слов. Признавались в любви к И.В. Александрову от администрации города председатель комитета по культуре Н.В. Заприкута, заместитель директора филиала ОрелГТУ В.П. Чумазов, директор гимназии В.А. Илюнина, М.А. Клычникова и многие другие - все, кто давно знает и любит этого беспокойного, неоднозначного человека, Поэта с большой буквы, болеющего за то, чтобы мы, россияне, не превратились в иванов, не помнящих родства, сколько бы нам сегодня ни внушали, что главная ценность деньги, все остальное - ничто.

Мы знаем и любим нашего И.В. Александрова за его непоколебимую нравственную основу, необщее выражение лица и в поэзии, и в жизни, самоиронию, прямоту и неподкупность. Мы ждем его новых книг, света доброты, вселенского понимания и сочувствия...

От автора

“Нет счастья вне родины: каждый пускай корни в родную землю”, - с душевной болью признавался Тургенев, живший вдали от России.

Я, наверно, счастливый человек, потому что через всю жизнь пронес затаенную любовь к поэтическому слову и родному тургеневскому краю..

Сельская жизнь, быт и традиции, труд и природа, роднички и речушки - всё это неизменно служило для меня источником творческого вдохновения.

“Чтобы поэзия процветала, она должна иметь корни в земле”, - утверждал другой земляк, Тютчев. С корнями у меня всё в порядке. Мои предки испокон веков трудились на земле и передали свои навыки мне. Почти все мои стихи автобиографичны, имеют конкретную топографическую привязку. Я рано пристрастился к чтению и к рифме. Увлекался то Пушкиным, то Лермонтовым, то Маяковским. Особенно «переболел» Есениным.

Близко к сердцу принимаю его исповедь: “Но более всего любовь к родному краю/Меня томила, мучила и жгла». Я нахожу в этих словах что-то родственное. Думается, что «Багряные листья» в какой-то мере служат подтверждением этому.

Большинство стихов, вошедших в эту книгу, написано в последние годы в родной Гудиловке, где теперь горбатится всего одна живая изба.

Больно и горько человеку, который на закате жизни лишается своей малой родины, своей колыбели. Скоро эта деревенька совсем исчезнет с лица земли.

Печальная картина встает перед глазами: под окнами покинутых хат - непролазный бурьян. За околицей - самосев, полынь и пырей забили артельные поля, кочками и осокой покрылись заливные луга, обожженные шальным огнем пригорки и опушки давно забыли про ягодное разноцветье.

Грустно сознавать, что наша земля превращается в дикое поле, по которому осенний ветер гонит багряные листья...

Ив. Александров

Латунный крестик с обелиска
Шкодливо сбила босота,
Контузив выходкой фашистской
И ветерана, и Христа.
Впадая в грех безмерно-тяжкий,
Она не ведает стыда:
Сгребает ложки, кружки, чашки
И обрезает провода.
Давно привыкшая лукавить,
С улыбкой наблюдает власть:
Ей в темноте сподручней править –
Ловчить, обманывать и красть.
В годину смуты и раздора
Распяты совесть, долг и честь.
Вот-вот с России мародеры
Сорвут её нательный крест...

Опять ловлю губами струйку
Живой, упругой, ключевой.
Опять вытягиваюсь в струнку
Перед ракитой вековой.
Мелькнет березовой макушкой
Лесок заветный в стороне.
Пройдусь заросшею опушкой
И поваляюсь на спине.
Поправлю смятую сорочку,
Скрипучей выпрямлюсь спиной.
Опять вытягиваюсь в строчку
Перед родимой стороной.

*Клен ты мой опавший,
клен заледенелый...*

С. Есенин.

Мой клен,
Высокий и ветвистый,
То встрепенется, то замрет,
И ветер, обрывая листья,
Их за околицу несет.
Вот так и люди разлетелись
По белу свету из села.
Какая радость или прелесть
Их за околицей ждала?
Давно в округе не осталось
Ни Суходола, ни Ключей.
Лишь неприкаянно металась
Листва багряная с ветвей.
Я догоню свой лист багряный
И придержу ногой его,
И он предстанет рваной раной
На теле края моего...

Не думай о булке и сыре,
Спеки мне без всяких затей
Обычных картошек в мундире
В обычной духовке своей.
Я радостно-трепетно-робко
Пахучего чуда коснусь
И в детство незримою тропкой
Всего-то на миг отлучусь.
Шагнув через годы и грядки,
Горнушку поворошу
И вечером в спешном порядке
Счастливым домой заспешу.
Спеки мне картошек в мундире
Рождественским вечерком,
Чтоб в нашей панельной квартире
Пахнуло бе терпким дымком...

Газета "Мценский край",
2008 г.

Настоящий патриот

В центральной библиотеке им. Новикова прошла встреча старшекласников с поэтом, членом Союза писателей СССР и России, лауреатом премии А.А. Фета, почётным гражданином Мценска и Мценского района И.В. Александровым.

Подростковая аудитория - не всегда благодарные слушатели, и поначалу зал «гудел». Но вскоре наступила тишина, такая, что каждое слово без микрофона слышалось на последних рядах. То ли тема обсуждалась особенная, трогаящая за душу - стихи о военной поре, то ли сказался большой опыт поэта в общении с читателями-подростками, ведь Иван Васильевич в прошлом - учитель.

Автор был предельно откровенен с ребятами, делаясь своим видением военных событий. Перед слушателями раскрылись обыденные, но от того ещё более тяжёлые картины жизни в оккупации («Фрицы», «Аринкин хутор»...), полоснуло светлой радостью и одновременно - скорбью по погибшим стихотворение «Я захожу в четвёртый класс и в 45-й год...» Война по сей день продолжает жить в памяти поэта, он всегда отзывается своей чёткой строкой на события, связанные с нею. Особенно не приемлет он «переосмысливание» подвига советского народа; о недопустимости забвения погибших и искажения истории его стихи «Прощай и , помни», «Безвестный подвиг», «Реквием», «Завет», «Святые имена». Иван Васильевич, библиофил с многолетним стажем, принёс с собой ред-кое издание книги А. Фадеева «Молодая гвардия» и первую, изданную в годы войны, книгу о подвиге Зои Космодемьянской. Он рассказал старшекласникам о молодогвардейцах, героях-панфиловцах, Зое и Шуре Космодемьянских. Невероятно чуткий ко всякой фальши, Иван Васильевич поделился с ребятами своим мнением о настоящих патриотах, об истинной любви к Родине.

Впрочем, об этом и говорят его стихи. Они звучали и в авторском чтении, и в исполнении ребят. А потом между поэтом и старшекласниками завязалась беседа, переходящая порой в диспут, но завершившаяся тем, что стороны приняли точку зрения друг друга. Было заметно, как приятно Ивану Васильевичу видеть таких парней, как, например, гимназист К. Серёгин - думающий, образованный, искренне болеющий за правду и любящий свой родной город.

Мне посчастливилось побывать и на встрече И.В. Александрова с учащимися агролицея, которую организовали сотрудники библиотеки им. Тургенева.

Сценарий встреч в обеих библиотеках, вероятно, предполагался один и тот же, но Иван Васильевич - творческий человек, и строит свои выступления всякий раз по-новому. Он чувствует интересы своей аудитории, и с лицеистами, более старшими по возрасту, вёл разговор в несколько ином ключе. Среди них, получающих профессию техника-механика, много жителей Мценского района, и поэт-краевед беседовал с парнями о военной истории их родных сёл и

деревень. Среди слушателей на этот раз были только юноши (допризывники!), и Иван Васильевич рассказал им о своей службе в разведроте артиллерийского полка, о параде в честь юбилея Победы, в котором ему довелось участвовать и который принимал сам Жуков.

- Вы ещё не раз будете отмечать День Победы. Помните, что её одержал советский народ, и не позволяйте никому присвоить нашу Победу, - такими словами закончил поэт эту встречу.

Т. Колесник.
Газета «Мценский край»,
2010 г.

Под старую ракитой
Висел плужной отвал:
То нежно, то сердито
Он на работу звал.

Он был для всех как совесть
В суровые года:
Запел - большая новость,
А задрожал - беда.

На звон его горластый,
На этот властный зов
Спешили бабы часто,
Не подоив коров.

Вот так, наверно, били
Деда в колокола,
Когда пожары были,
Когда война была.

Пускай не тем набатом
Плужной отвал трубил,
Он был их кровным братом,
Их младшим братом был.

Под старую ракитой
Висел плужной отвал.
То нежно, то сердито
Он всех на подвиг звал!

Кукушки

В знакомой роще на опушке
Кукуют мирные кукушки.
А мне запомнились другие,
Как смерть, коварные и злые.
Те подавали голос свой
Не только летом - и зимой.
Одно мгновенное «ку-ку» -
И кровь дымилась на снегу.
А где-то там жена и мать
Навек остались куковать.
И горько вторят на опушке
Им нынче мирные кукушки...

Безвестный подвиг

Безумству храбрых поем мы песню.
М.Горький

Ревели «юнкеры» натужно
И пилились на городок.
Навстречу фрицам безоружный
Рванулся в небо «ястребок».

Он шел в атаку лобовую,
Безумной яростью объят,
И поневоле врассыпную
Фашисты драпали назад.

Друзья от страха трепетали,
В душе завидовал комэск.
Бесстрашный ас Василий Сталин
Вступился за старинный Мценск.

Страна об этом не узнала
И не сказала ничего,
И только Зуша прожурчала
О дерзком подвиге его.

* * *

Эхо боя ударяет в уши,
Небо полыхает и дрожит.
По сугробам от Москвы до Зуши
Фриц с горящим факелом бежит.

В деревеньке на глухом откосе,
Ожидая лиха во дворе,
Мы ночами стынем на морозе
В лютом сорок первом декабре.

А теперь, доверчивых дурача,
Знатоки бездумно наплели:
Мол, не так все было, а иначе:
Был июнь и ландыши цвели...

Шрам

Безвестные останки
Полынью проросли.
А ров противотанковый,
Как рыжий шнур, вдали.

Давно зарубцевался
Тот ров по бугоркам.
А у земли остался
Неизгладимый шрам.

Замараны страницы
Истории святой.
А в памяти хранится
Заряд пороховой.

Безумные германцы
Исчезли за бугром,
А ров доньне тянется
Бикфордовым шнуром...

Мценский учитель с Орловщины И.В.Александров в переписке с редакцией приложил несколько листков со своими остро трогаящими душу стихами. Думается, они очень уместны в этом выпуске «Улик».

Разворовали нашу славу и подвиги, и ордена...

[The main body of the page contains a large area of severe digital corruption, appearing as dense, illegible noise.]

“Я пришел к тебе с приветом...”

В свое время я познакомился и подружился с известным мценским краеведом Георгием Федоровичем Соловьевым. У него были две заветные мечты: издать книжку о Мценске и открыть в городе музей.

Историко-краеведческий очерк о Мценске вышел в 1959 году. Продолжалась хлопотливая подготовка к открытию музея.

Однажды Георгий Федорович поделился своими огорчениями:

-Материала собрано уйма, а для полноты картины все равно мало. Взять отдел о писателях-земляках. С Тургеневым проще – весь на глазах, а вот Фет – белое пятно. Что мы знаем о Козюлькино, об усадьбе Шеншиных, о предках поэта? – сокрушался он. – Выписал недавно из Ленинки мемуары Фета, прочел с редким удовольствием: столько интересного и поучительного почерпнул из жизни и быта Шеншиных. В общем, о житейском укладе этой семьи теперь многое известно, а вот где был насыпной холм, где стоял барский дом – не представляю! Давай махнем в Козюлькино. Тут всего-то семь верст...

Мне эта затея пришлась по душе. В самом деле: что мне известно о Фете? Помню, в учебнике Зерчанинова по литературе для 9-го класса мелким шрифтом давалась краткая справка, что Фет – это помещик-крепостник, радетель «чистого искусства», «природы праздный соглядатай...»

Сколько раз в жизни – пешком, на волах, на лошади – пересекал я новиковский мост, чуть повыше впадения речки Чернь в Зушу, что напротив Козюлькино. Мне даже в голову не приходило, что в этих самых местах когда-то родился и жил знаменитый русский лирик.

Не дожидаясь, когда зацветет сирень, когда запоют соловьи, чуть только зазеленели деревья, мы отправились в Козюлькино. День был пасмурный, но теплый. Земля давно просохла и дружно занялась травой.

Мы вылезли из машины возле большого развесистого тополя, где узкая тропинка, заросшая по обе стороны кустами сирени, сворачивала влево и вела по склону вниз к реке.

-Судя по воспоминаниям Фета, эта сиреневая аллея проходит по бывше-

му саду, - вслух размышлял Георгий Федорович, поглядывая по сторонам и потирая в раздумье висок. – Где-то здесь на пологом склоне был насыпной холм, на нем возвышался барский дом.

Мы полчаса бродили по поляне, где когда-то был соловьиный сад, но ничего приметного не обнаружили. Время, конечно, размыло холм, сохранилась едва заметная припухлость, изрезанная траншеями и окошками.

С трудом продирались мы сквозь густые заросли задичавшей акации и орешника, спотыкаясь о гнилые пни, рваные куски металла, обрывки колючей проволоки.

-А знаешь, ведь здесь, по Зуше, проходил фронт, немцы полтора года держали оборону. Наши пытались прорваться, да неудачно, - пояснил Георгий Федорович.

-А может быть, немцы догадывались, чья это усадьба, и мстили русским за то, что помещик Шеншин умыкнул у них себе жену? – пошутил я.

Местами заросли были непролазны. Мы руками и ногами разгребали сухую листву и гнилые ветки, стараясь обнаружить что-нибудь приметное. Неожиданно я сполз в обвалившуюся траншею и заметил на срезе мшистые камни и битые кирпичи. Зову Георгия Федоровича, показываю находку. Он пригляделся, схватил подвернувшуюся палку и стал сноровисто выковыривать...

— Может быть, это остатки фундамента? — пожимаю плечами. — А вот эти задичавшие кусты сирени, акации, шиповника росли перед окнами дома.

— Я убежден, что именно здесь стоял шеншинский дом, в котором родился и сложил свои первые стихи будущий поэт! — вдохновенно произнес Георгий Федорович. — Мы сделали доброе дело. Со временем дом и сад будут восстановлены. А в эти места потянутся люди, как в Спасское-Лутовиново и Ясную Поляну, — явно размечтался он.

С этой уверенностью мы и вернулись домой. Было это весной 1959 года.

20 ноября 1960 года был открыт Мценский краеведческий музей, который носит ныне имя Г. Ф. Соловьева. В нем рядом с Тургеневым почетное место занял и Афанасий Фет.

Уже после смерти Г. Ф. Соловьева Фет заново обрел во Мценске популярность. В декабре 1970 года делегация мценских школьников посетила Клейменово и возложила венок на могилу Фета с трогательной надписью: «А. А. Фету 1820/1970 — от благодарных потомков — тружеников земли мценской».

Одной из библиотек города присвоено имя поэта, а напротив — через улицу — установлен его бюст. На здании Мценского вокзала красуется мемориальная доска, рассказывающая проходящим поездам, что здесь бывали писатели Тургенев, Толстой, Фет. Три друга-приятеля снова оказались рядом, под одной крышей. В Козюлькино, на усадьбе Фета, установлен памятный знак. Здесь впервые вручались Фетовские премии. Сбылось еще одно предсказание старого краеведа. 30 мая 1976 года на усадьбе Фета, на зеленом пригорке, откуда открываются чудесные виды на окрестные луга и леса, проходил первый Фетовский праздник поэзии. Собрались гости из разных городов, чтобы почтить знаменитого русского лирика, чьи звонкие и проникновенные стихи о

природе, о светлой и мятежной любви до сих пор волнуют наши сердца и пробуждают добрые чувства.

Жаль, что эта добрая традиция со временем прервалась, а там, где был соловьиный сад, где проходила сиреневая аллея, теперь возвышаются кирпичные корпуса пионерского лагеря.

Однажды, когда уже расчищалось место для стройки, мы заглянули сюда с ленинградским прозаиком Олегом Чистовским, долго бродили по фетовской усадьбе, грустно поглядывая на кусты и деревья. Я попросил Олега, чтобы он сфотографировал сиреневую аллею. Думал, что память о ней сохранится только на этом снимке, но совершенно неожиданно увидел схожую картину в первой серии знаменитого фильма Сергея Бондарчука «Война и мир»: Андрей Болконский после смерти жены приезжает в Лысые Горы, выходит из кареты и печально ступает по сиреневой аллее...

— Боже мой, да это же Козюлькино! — невольно вырвалось у меня. — Сиреневая аллея в фетовском саду...

Позже внучатый племянник поэта Н. П. Пузин подтвердил, что съемки этой сцены по его совету действительно проводились в Козюлькино.

Время неумолимо смывает облик фетовской усадьбы, однако благоухание цветущего сада живет в лирике поэта, а его соловьиное эхо до сих пор отзывается в наших сердцах.

Я туго воспринимаю анатологическую, космическую, туманно-расплывчатую лирику Фета, зато испытываю душевное волнение и радость, когда читаю его простые, прозрачные, светлые строки, воспевающие природу и любовь. Видимо, о таких стихах писал Фету его университетский друг Аполлон Григорьев: «Стихи свежи, благоуханны и, по-моему, даже ясны».

Меня, краеведа, особенно трогают те стихотворения, в которых я отыскиваю, встречаю, легко угадываю знакомые картины и приметы самого фетовского Козюлькино или его окрестностей. Житейские обстоятельства вынуждали Фета пускать корни то в Степановке, то в Воробьевке, то в Москве, но он до последнего вздоха светло и грустно вспоминал козюлькинскую усадьбу, свою колыбель.

Приветствую тебя, мой добрый, старый сад!

Цветущих лет цветущее наследство!

С улыбкой горькою я пью твой аромат,

Которым некогда мое дышало детство, —

обращался к своему козюлькинскому саду поэт.

В памяти невольно всплывала картина весеннего половодья. Из окна родительского дома можно было наблюдать, как бушующая Чернь врывается в Зушу:

А там по нивам на просторе

Река раскинулась как море,

Стального зеркала светлей,

И речка тут на середину

За льдиной выпускает льдину,

Как будто стаю лебедей.

А вот эти строки, несомненно, посвящены козюлькинской горке, что справа от усадьбы, — ныне она поросла березняком:

*Ласточки пропали,
А вчера зарей
Все грачи летали
Да как сеть мелькали
Вон над той горой.*

Если посмотреть из шеншинского дома через Зушу в сторону Крыцино, то перед глазами явственно встает вечер, воспетый вот в этих строках:

*Прозвучало над ясной рекою.
Прозвенело в померкшем лугу,
Прокатилось над рощей немою,
Засветилось на том берегу.*

Только наблюдательный дворянский мальчишка мог на всю жизнь запечатлеть, а позже отразить в стихах неповторимые черты родных мест:

*Меж селеньем и рощей нагорной
Вьется светлою лентой река,
А на храме над озимью черной
Яркий свет поднялся в облака.*

Картины природы, нарисованные Фетом в стихах, вечны и неотразимы. Возвращаясь домой в санях поздним вечером, по-фетовски зримо и затаенно представляешь вот этот знакомый пейзаж:

*Чудная картина,
Как ты мне родна:
Белая равнина,
Полная луна.*

*Света небес высоких,
И блестящий снег,
И саней далеких
Одинокий бег.*

Фету приходилось множество раз в любую погоду ездить по мценским дорогам по своим хозяйским и служебным делам, и прозаические дорожные впечатления со временем превращались у него в поэтические строки:

*Не первый год у этих мест
Я в час вечерний проезжаю
И над березами встречаю
Все тот же золоченый крест.*

Скорее всего, речь идет о ядринской церкви, мимо которой постоянно ездил Фет. Эта церковь навевала ему самые печальные и скорбные воспоминания. Здесь еще до венчания родителей он был крещен и записан в метрических документах как Афанасий Шеншин. Судьба сыграла с ним злую шутку. Случилось так, что в четырнадцать лет его неожиданно-негаданно вырвали из домашней среды, спешно отвезли в пограничный лифляндский городок и определили в частный пансион немца Крюммера, а вскоре он лишился фамилии Шеншин и стал прозываться Фет, по имени первого мужа своей матери. Это загадочное

превращение повергло подростка в уныние и безысходность. Одиноким и забытым, осмеянным товарищами, бродил он в дни каникул по безлюдному городку, словно бездомная собака.

Однажды, вспоминая Фета в своих мемуарах «Ранние годы моей жизни», совершая верховую прогулку, он перешел пограничный мосток и, очутившись на русской стороне, «слез с лошади и бросился целовать родную землю». Возможно, подняв голову, он увидел, как в небе — одна за другой — плыли тучи, направляясь туда — в далекую Россию, в родной мценский край, в Козюлькино. Может быть, эта самая картина навеяла позже Фету такие строки:

*Знать, долго скитаться наскуча
Над ширью земель и морей,
На родину тянется туча.
Чтоб только поплакать над ней.*

По-моему, еще никто из поклонников и критиков Фета не обратил внимания на это четверостишие. А между тем эти пронзительные, полные глубокого смысла строчки опровергают запальчивое утверждение самого Фета: «Художественное произведение, которое имеет смысл, для меня не существует». Лукавил Афанасий Афанасьевич, явно лукавил, ибо собственным творчеством доказывал, что страдания рождают не только дивную красоту, но и горькие мысли!

А страданий на его долю выпало в избытке. Вернув себе — всеми правдами и неправдами — отцовскую фамилию, Фет чистосердечно признавался: «Если спросить, как называются все страдания, все горечи моей жизни»? Я отвечу тогда: имя Фет».

Иван Александров.
Газета «Просторы России», 2000 г.

Светлая память, горькая память

Знакомый зал редко собирал столько народу. Всем хотелось посмотреть на правнука Пушкина. Худощавое лицо, матовый цвет кожи, слегка зауженные глаза явственно напоминали великого предка. Поэт В. М. Катанов, сопровождавший почетного гостя, тепло представил его амчанам. Григорий Григорьевич вышел на трибуну и стал рассказывать о себе и своей родословной. Говорил он просто, бесхитростно, с юморком:

— Вы знаете, что у Александра Сергеевича было четверо детей; он называл их грубовато-ласково: Машка, Сашка, Гришка, Наташка.

Моя ветвь тянется от пушкинского Сашки. Александр Александрович всю жизнь посвятил армии и уволился в запас в чине генерала. Он был не только идеальным командиром, но и образцовым мужем! — улыбнулся Григорий Григорьевич. — На этой семейной ветке красовалось тринадцать плодов! Одним из них был Григорий, давший мне отчество.

Отец мой Григорий Александрович Пушкин, полковник царской армии, человек мужественный и храбрый, после революции стал командиром Красной Армии, был близко знаком с Ворошиловым. Мать Юлия Николаевна, учительница немецкого языка, много лет корпела в школе, отдавая душу детям.

Григорий Григорьевич поведал, что он родился 19 декабря 1913 года. Вначале обучался дома, а когда исполнилось тринадцать лет, пошел в школу, сразу в пятый класс. После семилетки поступил в сельскохозяйственный техникум, приобрел специальность зоотехника.

— Подоспело время — призвали в армию, — продолжал Григорий Григорьевич. — Понюхал пороху в финскую войну. Прошел всю Отечественную. Был партизаном, разведчиком, солдатом. Форсировал Днепр, получил контузию. Каких только приключений не случалось! — и рассказал несколько интересных историй. — В 1946 году вернулся домой. При орденах и медалях. Пошел в МУР, гонялся за бандитами. Полтора десятка лет провел в типографии «Правды». С должности печатника ушел на пенсию. Сидеть дома не пришлось, — признался Григорий Григорьевич. — Мною заинтересовались общество «Знание» и Союз писателей: то в одно место пошлют, то в другое. Рассказать есть о чем. Обычно спрашивают о потомках поэта. Отвечаю просто: из пушкинского гнезда выпорхнуло бесчисленное количество птенцов, разлетелись они по всему белому свету, немало осело в России. Правда, прямую мужскую линию Пушкина продолжает только ваш покорный слуга, — по-доброму заулыбался он.

Было много вопросов. Григорий Григорьевич охотно отвечал. Долго не расходились. Брали автографы. Снялись на память.

Григорий Григорьевич остался доволен встречей. Ему захотелось задержаться во Мценске. Вышло так, что для него не успели заказать место в гостинице. Я пригласил его к себе. Он согласился.

— Вы здесь не чужой! — шучу по дороге. — Дух Пушкиных издавна живет в этом городе. Наши дотошные краеведы докопались, что в начале семнадцатого века пушкинские предки пользовались во Мценске известностью, а один из них — Тимофей Семенович Пушкин — был даже мценским воеводой.

Фамилия Пушкиных доньне не перевелась в мценской округе, например, в Ядрине. С одним из них я учился на курсах шоферов и посмеивался в душе: «Пушкину тоже захотелось порулить!»

По мценской земле в разное время ступали те, с кем дружил или знался Александр Сергеевич: историк Карамзин, поэт Жуковский, скульптор Орловский, генерал Ермолов, декабрист Рылеев...

— Во мценской гимназии учился ильковский мальчик Ваня Новиков, — припомнил В. М. Катанов. — Впоследствии он станет известным писателем и создаст знаменитые романы «Пушкин в Михайловском» и «Пушкин на юге».

В годы войны, находясь в эвакуации на Урале, пожилой писатель выступал с чтением своих произведений, собирал деньги, чтобы построить истребитель «Александр Пушкин». Летчик Юрий Горохов бесстрашно сражался на нем с врагами. Ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза, — поведал Василий Михайлович.

Незаметно дошли до места. Я открыл дверь, включил в коридоре свет и сказал:

— Добро пожаловать! Будьте как дома...

— Тем более что дом этот стоит на улице Тургенева, а Иван Сергеевич, как известно, боготворил Вашего прадеда и до конца жизни не расставался с его перстнем-талисманом, — добавил Василий Михайлович.

— Знаю, знаю! — заулыбался Григорий Григорьевич, заходя в квартиру.

— Познакомьтесь пока с моей библиотекой, — киваю на книжные полки, — а я приготовлю что-нибудь перекусить, — и стал хлопотать возле плитки.

— А где же ваша хозяйка? — поинтересовался гость.

— Еще не успел обзавестись! — смутился я.

— Это Вы зря! — по-отечески пожурил меня Григорий Григорьевич.

— Мать меня запилила, — признался как на духу. — Боится, оставлю без внуков.

— Это чувство мне очень даже знакомо, — заволновался Григорий Григорьевич. — У меня у самого двое: дочь Юлька — поразумнее — уже определилась, а вот Александра никак не можем уломать. Парню уже двадцать шесть, а он все помалкивает. — в голосе Григория Григорьевича послышались тревога и боль. — Может случиться, что прервется прямая мужская линия Пушкина. А это уже не просто семейная беда...

— Все еще впереди! — утешаю приунывшего отца. — Пожалуйста, к столу.

Мы чокнулись. Раз. Другой. Третий...

Завязался непринужденный разговор.

Я любил Пушкина с детских лет, многие стихи знал наизусть, перед глазами вставала его биография. Вполне естественно, что из воспоминаний современников, из семейных преданий, из переписки с родственниками Григорий Григорьевич знал о поэте гораздо больше, чем обычный почитатель. Не терпелось услышать что-нибудь сокровенное Или получить подтверждение спорных и щекотливых факторов.

— Григорий Григорьевич, — обращаюсь к гостю, — для меня всегда

оставалась загадкой семейная жизнь Пушкина, его отношения с женой. Судя по письмам к ней. Александр Сергеевич был весьма строг, щепетилен и даже деспотичен в семье, — задеваю гостя за живое.

— Это неправда! Это только кажется, — улыбнувшись, возразил Григорий Григорьевич. — Просто у него была забавная привычка пересыпать письма грубоватыми выражениями и прозвищами. Когда он бывал в отлучке, ему хотелось хоть как-то утешить, рассмешить, развеселить свою молоденькую женку, которая без него скучала, волновалась, капризничала...

Узнав, что она опять «понесла», Александр Сергеевич почти в каждом письме предостерегает ее от всяких случайностей, дает уморительные советы и поучения: ходи каждый день часа два по комнате, не стягивайся и не сиди поджав ноги, не прыгай шибко на балах, не спеша поднимайся по высокой лестнице, а то скинешь на сто пятой ступени... Разве можно без улыбки и умиления читать эти наставления? — разволновался Григорий Григорьевич. — Александр Сергеевич нежно любил жену и трогательно заботился о ней.

Наталья Николаевна, без всякого сомнения, отвечала мужу взаимностью и привязанностью, ценя его супружеское внимание и понимая его высокое предназначение. Это только злые люди распускали грязные сплетни, — огорчился Григорий Григорьевич.

— Знаете, а ведь эти разговоры тянутся до наших дней, — заметил я. — Даже такие серьезные люди, как Марина Цветаева, Анна Ахматова, Ярослав Смеляков, бросили камушек в Наталью Николаевну, считая ее пустышкой, упрекая ее в легкомыслии и ветрености... Я сам грешен...

— Глупости все это! — явно обиделся Григорий Григорьевич — В нашей семье всегда чтили и уважали ее. Никто лучше Пушкина не знал и не мог знать ее достоинства и слабости. Александр Сергеевич гордился своей женой, ее красотой, умом, терпеливостью .

— Не зря в минуты откровения Пушкин признавался ей: «А душу твою люблю я еще более твоего лица», — заметил Василий Михайлович, явно «неравнодушный» к Наталье Николаевне.

— Александр Сергеевич отлично понимал, как тяжело было ей в замкнутом семейном кругу, — рассуждал Григорий Григорьевич. — Вот и старался всячески расшевелить ее, развеять скуку. Терпел трудности, залезал в долги, чтобы только нарядить ее, доставить ей радость и удовольствие. Скрепя сердце вывозил ее на шумные балы, где она могла бы блеснуть своими манерами, нарядами, красотой. А какой женщине не нравится, когда ее окружают поклонники, оказывают знаки внимания? — убеждал Григорий Григорьевич, умудренный житейским опытом.

— Все это так, — соглашаюсь с ним. — Заботился, наряжал, любил Но ведь при этом и ревновал ее безумно. Хотя сам, как известно, был дьявольски влюбчив! — снова зацепил я гостя. — Я где-то вычитал, что при виде красивых женщин у него даже ноздри раздувались... Это, конечно, сказано грубо и зло, а все-таки, видимо, доля истины есть...

— Кто без греха? — развел руками Григорий Григорьевич. — А в нем и кровь африканская играла, и страсти поэтические бурлили. Человек-то он был

необыкновенный, огненный, увлекающийся. Правда, почти все пылкие увлечения были у него еще до женитьбы: и Мария Раевская, и Елизавета Воронцова, и Амапия Ризнич, и Анна Керн... Да разве всех перечислишь, в кого влюблялся Пушкин? — застыдился Григорий Григорьевич.

— Любовь у него тоже была необычной: и возвышенно-романтической, и заземленной, — сказал Василий Михайлович. — Она будила в нем творческую силу и вдохновенье. Не будь этих увлечений — не было бы пленительной пушкинской лирики, этих прекрасных стихов: «Я помню чудное мгновенье», «Для берегов отчизны дальней», «Не пой, красавица, при мне»...

— Это верно. — подтвердил Григорий Григорьевич. — Они обессмертили не только самого Пушкина, но и этих чудесных женщин. Не шибко красивый, Пушкин обладал какой-то необъяснимой притягательной силой. Многие женщины сами тянулись к нему, испытывали душевную привязанность и не всегда находили отклик. Возьмите хотя Идалию Полетику. Как она старалась приворожить поэта, как ждала от него сердечных излияний. Существует легенда, что Александр Сергеевич, большой шутник и балагур, однажды все-таки признался ей в любви, а было это первого апреля! Полетика уловила насмешку, пришла в ярость, чуть не выпрыгнула из кареты Затаив камень за пазухой, она стала мстить, плести интриги, строить козни. Полетика доводилась Наталье Николаевне дальней родственницей. Она пригласила ее в гости. Наталье Николаевне даже в голову не пришло, какую ловушку подстроила ей Идапия. Вместо хозяйки в доме ее встретил Дантес. Распаленный страстью, он достал пистолет и заявил: или отдайтесь мне, или я застрелюсь! Наталья Николаевна отвергла его домогания. Запыхавшаяся, она явилась к Вяземским и поведала о случившемся. А следом Пушкин получил гнусное письмо, где он выставлялся рогоносцем. В общем, дуэль стала неотвратимой, — заключил Григорий Григорьевич. — Смерть Пушкина потрясла всех. «Солнце нашей поэзии закатилось!» — воскликнул с горечью В. Одоевский. «Жаль поэта — и великого, — отозвался Ф. Булгарин. — А человек был дрянной».

— Все-таки не удержался Видок Фиглярин: хоть каплей дегтя, а пытался вымазать Александра Сергеевича. Даже в гробу! — вырвалось у меня.

— Вот такие циники мазали грязью и Наталью Николаевну, — сказал Василий Михайлович. — Прав Грибоедов: «Злые языки страшнее пистолета!»

— Наталья Николаевна убивалась безмерно, — признался Григорий Григорьевич. — Семь лет промаялась, а затем вышла замуж за порядочного человека, друга своего брата. Генерал Ланской оказался отменным семьянином, по-отечески относился к детям Пушкина. Сама Наталья Николаевна была терпеливой и заботливой женой и матерью. Мало кто знает, — подчеркнул Григорий Григорьевич, — что в семье воспитывалось десять детей: четверо от Пушкина, трое от Ланского да еще трое племянников мужа. Сколько душевной доброты и нежности потребовалось от Натальи Николаевны, чтобы присмотреть за всеми, согреть всех, дать всем ума. Была она домоседкой, без усталости хлопотала по хозяйству.

Благодарная Ланскому за жертвенность, Наталья Николаевна тем не менее до конца своей жизни была верна памяти Пушкина, нежно любила его детей, не порывала связь с его друзьями.

В последние годы ее одолевали болезни, она испытывала невыносимую тоску. Умерла Наталья Николаевна в 1863 году, в возрасте 52 лет, — с горечью выдохнул Григорий Григорьевич. — Похоронили ее в Апександрo-Невской лавре. С почетом и слезами...

— А все-таки жаль, что не рядом с Пушкиным. — опечалился я.

— С Пушкиным похоронили ее сердце, — утешил Василий Михайлович. Было за полночь, а мы все говорили и говорили...

— Григорий Григорьевич, — снова завожусь, — а кто-нибудь из пушкинских птенцов пытался подражать ему? Сам бог повелел...

— Александр Сергеевич на собственной шкуре изведal, что значит быть поэтом! — горько усмехнулся Григорий Григорьевич. — Заманчиво это ремесло, да непредсказуема судьба поэта. А Пушкин желал своим детям только добра и счастья. Когда ему было особенно тошно, он в шутку и всерьез предупреждал жену: мол, если «когда-нибудь нашей Машке придет фантазия хоть один стих написать, первым делом выпори ее хорошенько, чтобы от этой дури и следа не осталось!» Еще больше тревожился он за судьбу своего Сашки. «Не дай бог идти ему по моим следам, писать стихи да ссориться с царями, — снова признавался он жене. — В стихах он отца не перещеголяет, а плетью обуха не перешибет. .»

— Это он за детей боялся! — рассмеялся Василий Михайлович. — А ведь наследственные гены без спросу могут догнать в любом колене. Может быть, Вас когда-нибудь одолевал поэтический зуд?

— Нет, мне эта опасность никогда не угрожала!

— развеселился Григорий Григорьевич. — Я Пушкин просто — не поэт-писать стихи таланта нет! — продемонстрировал он свою непричастность к стихоплетству.

— А может быть, прав тот мудрец, который сказал, что на потомках великих людей природа отдыхает? — сострил я.

Григорий Григорьевич закашлялся и промолчал...

Утром он вручил мне памятную открытку с портретом Пушкина, а на его двухтомнике размашисто набросал: «Дорогому другу из г. Мценска Ивану на долгую память от правнука А. С. Пушкина — Григория Григорьевича Пушкина. 7.VII.77 года. г. Мценск».

Я благодарно пожал ему руку. Мы вышли на улицу. Яркое солнце дружелюбно улыбнулось нам.

С тех пор прошло более двух десятков лет. А в душе по-прежнему живет память о той встрече. Светлая память, горькая память... В 1992 году умер — совсем еще молодой — сын Григория Григорьевича. В том ночном разговоре отец скрыл семейную тайну. Оказывается, Александр служил в ракетных войсках, серьезно облучился. Его симпатичный портрет запечатлен в книге В. М. Русакова «Потомки Пушкина».

Сам Григорий Григорьевич скончался в октябре 1997 года, не дотянув двух лет до пушкинской юбилея.

Я набросал эти заметки в самом начале марта, а 3 апреля этого года в «Московском комсомольце» появилась публикация Яны Жипяевой «Последний

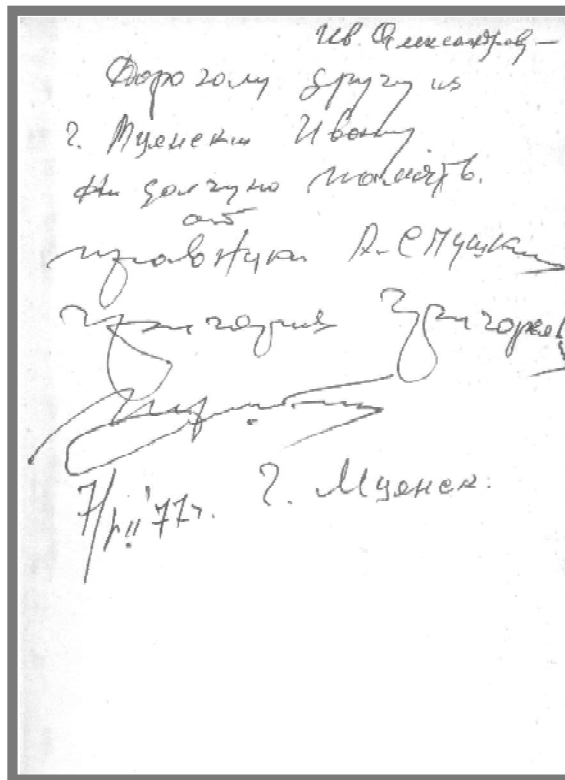
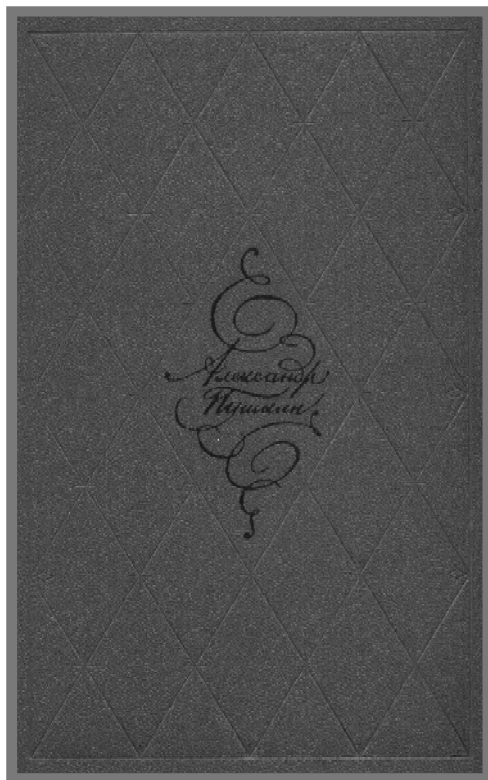
Пушкин Российской империи» Горько и больно читать о том, как печально и одиноко доживал Григорий Григорьевич свои последние дни.

А человек он был редкий: отменно знал семейную жизнь Пушкина, великолепно разбирался в творчестве прадеда, в душе гордился своей родословной. Бесхитростный и совестливый, он глубоко и остро чувствовал фальшь и лицемерие нынешних дворянско-демократических отпрысков, а потому наотрез отказался вступать в воссозданное дворянское собрание. «Ну какой из меня дворянин?! Я коммунист», — заявил он напрямик.

Обыкновенный московский пенсионер с фамилией Пушкин влачил жалкое и нищенское существование. Друзья обратились за помощью в Кремль. Просьба не вызвала интереса и сочувствия у тогдашнего главы президентской администрации А. Чубайса и затерялась в его бумагах. В конце 1996 года академик Д. С. Лихачев разговаривал лично с президентом по этому вопросу, однако безрезультатно. «Если Александра Сергеевича Пушкина убили на дуэли, то его правнука убило равнодушие», — утверждают его друзья.

На похороны Григория Григорьевича было выделено 16 миллионов рублей старыми деньгами. Большая часть этих денег исчезла бесследно. До семьи не дошло ни копейки. Последний прямой потомок умер в нищете и забвении, похоронен в одной могиле с сыном, даже без приличного надгробия.

Вот оно подлинное лицо нынешней «российской демократии», для которой патриотизм действительно, по чьему-то меткому выражению, стал «последним прибежищем и прикрытием...»

Рождественский вечер

Известный советский поэт Николай Браун (1902 — 1975), автор более пятидесяти поэтических книг, лично знавший Маяковского и Есенина, Ахматову и Тихонова, уроженец тургеневских, паряхинских мест был выпускником знаменитой Орловской гимназии.

После уроков мальчик тосковал по своему деревянному дому, читал запоем книжки, искал сверстника, которому можно было бы открыть душу. Взял листок бумаги и написал письмо в журнал «Путеводный огонек»: «Я учусь в первом классе Орловской гимназии. Не желает ли кто переписываться со мной? Николай Браун».

Было это в 1911 году. Спустя полвека, как бы отвечая на этот детский вопрос, я написал Николаю Брауну прочувствованное письмо, поведал о встрече с его односельчанами, отослал снимки бывшей усадьбы.

Это письмо задело поэта за живое. «Оно меня взволновало и растрогало, — признался Николай Браун в ответном послании. — Я читал его так, будто снова коснулся той земли, по которой я ходил когда-то босиком: то ли по обрызганной росой поляне у опушки леса, то ли по весенней меже за сохой или плугом, то ли по осеннему колкому жнивью, — всем существом ощутил я перво-родную радость прикосновения к давно отошедшей в прошлое, но незабываемой поре.

Я много раз обращался в стихах к теме родных мест... Каждый год все собираюсь поехать в свои места, побывать и в Туле, и в Орле, и во Мценске. Думаю, что в будущем году все же соберусь — и тогда вместе попутешествуем... Мне приятно, что еще остался кое-кто в живых из тех, что помнят мою семью и меня, их уже, видимо, немного — столько прошло времени и столько произошло событий!» — горько сожалел Браун.

Завязалась оживленная переписка.

Обладая отменным редакторским чутьем, Николай Браун доброжелательно и требовательно относился к моим стихам. «Ваши стихи — своеобразный дневник души, — отмечал он в одном из писем. — Главное достоинство их — соответствие пережитому, правда пережитого, естественность... Вы верны себе, своим переживаниям, своему материалу, окружающей природе, людям, событиям, времени. По-прежнему в Ваши стихи вплетается лукавинка, ироническая нотка, неожиданность в решении некоторых тем, хорошее чувство компози-

ции, лаконичность. Есть стихи с прямой лиричностью, с голосом, поднятым на высокую ноту», — одобрял он.

Естественно, Браун отчетливо видел и чувствовал мои творческие промахи—в тематике, в стиле, в языке, настойчиво советовал совершенствовать поэтическое ремесло.

Личное знакомство с Брауном состоялось в январе 1968 года, когда я заглянул на несколько дней в Ленинград. О своем приезде предупредил заранее, прямо с вокзала поспешил в редакцию журнала «Звезда». Встреча была непринужденной и радушной.

— Вы уже бывали в Ленинграде, знакомы с его достопримечательностями, — заметил Николай Леопольдович. — Предлагаю такой план. Завтра у нас литобъединение. Здесь — при «Звезде». Приглашаю.

Собралось человек пятнадцать. Читали стихи, рассказы, критические заметки. Шло живое и заинтересованное обсуждение. То и дело вспыхивал спор. Николай Леопольдович терпеливо выслушивал каждого, делал уместные замечания, давал дельные советы. Разговор пошел всем на пользу.

Выучка опытного мастера оказала доброе влияние на судьбу многих его питомцев. Имена их известны теперь всероссийскому читателю.

— Не скучно было? — заулыбался Николай Леопольдович.

—Что вы!—рассмеялся я.—Было интересно и поучительно, для меня—тем более.

— Завтра — встреча редколлегии «Огонька» с ленинградцами! — обрадовал он меня.—Приходите—не пожалеете.

Зал был полон. Вел встречу сам Сафронов, главный редактор. Очень просто, откровенно, непринужденно. Было много юмора и добродушия. Выступали известные писатели. Браун прочел три стихотворения, в том числе — «Сергей Есенин». Это имя было ему близко и дорого.

Встреча продлилась до десяти вечера. Без конца сыпались вопросы. Ни кому не хотелось уходить. Прощаясь, Николай Леопольдович предусмотрительно сунул мне записку: «Иван Васильевич! Позвоните мне сегодня после 11 вечера. Телефон: В 3-31-07. Н. Браун».

Вернулся на квартиру, поразмышлял, нажал заветный номер.

— Вы знаете, что завтра Рождество? — дружелюбно спросил Николай Леопольдович.—Приглашаем вас в гости. Проведем вместе рождественский вечер. Поговорим по душам. Ждем вас к пяти. Мария Ивановна будет рада.

— Спасибо. Приду!—заверил я.

С душевным трепетом коснулся кнопки звонка. Дверь открыл Николай Леопольдович.

— Проходите,—радушно улыбнулся он. — Будьте как дома.

— Добро пожаловать! — засуетилась маленькая женщина, одарив приветливой улыбкой.

Меня провели в зал. Особой роскоши не заметил. Полки, шкафы, на столике книги, рукописи, письма.

Свежей хвоей пахла елка. Вокруг нее мерцали свечи. Стол был убран по праздничному.

— За встречу, за дружбу, за добрую память о далекой юности! — искренне предложил хозяин.

Разогрелись, разговорились, размечтались. Браун вспомнил, как справляли рождественские вечера в глухом белевском селе, Мария Ивановна—«Кострома, Костромушка, Костромка»—поведала о своем костромском обычае.

— Знаете, в новогодний вечер, в дружеской компании, мы с Марией Ивановной исполнили под гитару одну песенку, — расчувствовался Николай Леопольдович. — Она всем понравилась. Хотите послушать? — он взял гитару, тронул струны:

*Какие горькие слова,
Какие бессердечные:
Разрыв-трава, разрыв-трава,
Разрыв на веки вечные...*

Браун вел напев, Мария Ивановна ладно подпевала ему. Песенка звучала пронзительно нежно и грустно. Для меня это было совершенно неожиданно. Мне стало жарко: песенка на мои слова...

— Спасибо, — только и мог сказать.

Я знал, что у Брауна хранится запись голоса Есенина, читающего монолог Хлопуши из поэмы «Пугачев», что поэт и сам отменно исполняет его, умело подражая Есенину. Мне не терпелось послушать эту запись, но я не рискнул попросить...

В этот вечер шел доверительный разговор о поэзии. Николай Леопольдович невольно припомнил о своих первых шагах в литературе.

— Рифма приворожила меня еще в детские годы! — весело признался Браун. — Я дружил с нею и на деревенской улице, и в гимназии, и позже в Питере, куда я перебрался из Орла в 1919 году, но первое мое серьезное стихотворение «Россия» отобрал и опубликовал во втором номере «Звезды» за 1924 год сам А. Н. Толстой. Через два года вышла моя первая книга «Мир и мастер». Позже выходили десятки, а эта осталась самой заветной, — улыбнулся он. — В двадцатые годы литературная жизнь в Питере была ключам. Я был молод, любознателен и вездесущ. Успевал и учиться в пединституте (вместе с Николаем Заболоцким), и строчить стихи, и посещать вечера и диспуты. Посчастливилось слышать и Блока, и Маяковского, и Есенина С Есениным подружился с первой встречи. Был он шибко компанейский. У меня до сих пор сохранились автографы его стихотворений, которые он передал мне в редакции «Звезды». Я берегу их как реликвии, — признался он и направился к шкафу. — Вот посмотрите. Я их редко показываю. Листы уже пожелтели и обветшали. Приходится беречь.

Меня бросило в жар. Никогда не думал, что буду держать в руках подлинные странички, исписанные бисерным почерком самого Сергея Есенина. Это были знаменитые теперь «Мне осталась одна забава...» и «Снова пьют здесь, дерутся и плачут...».

— Смерть Есенина потрясла меня, — погрустнел Николай Леопольдович. — Самое прискорбное, что мне довелось выносить его тело из гостиницы «Англетер». До сих пор перед глазами — посиневшее лицо со следами ожогов на

лбу... Это трудно передать словами... Вы знаете, ведь у меня есть стихотворение «Сергей Есенин». Я часто читаю его на вечерах...

Пока Мария Ивановна хлопотала на кухне, мы снова перекинулись в парихинские места, заглянули в родословную поэта.

—Дед мой—Викентий Браун—по происхождению чех,—уточнил Николай Леопольдович.—Переселился в Россию еще в прошлом веке. Был дирижером военного оркестра в Орле. Сын его, Леопольд, мой отец, женился на болховской крестьянке. Присмотрели по соседству в Белевском уезде, возле Парихино, заброшенное местечко. Поселились, стали жить-поживать да детей наживать. Было нас в семье четверо. Все мальчики. Выросли — разлетелись. Два брата погибли на войне. А я чудом уцелел...

— Значит, судьба! — заметил я.

—Случалось в обнимку со смертью ходить,—стал припоминать Браун.— В августе сорок первого моряки мужественно защищали Таллин, отрезанный от Ленинграда. Я был тогда сотрудником флотской газеты. Мы вели отдел политической сатиры «Полундра». В Финском заливе вражеская торпеда угодила в наш корабль. Я успел сбросить длинную доску за борт тонущего корабля. За нее уцепились несколько человек. Люди гибли один за другим: от осколков, от пуль, от ледяной воды... Меня заметила и подобрала спасательная шхуна. Ухватился за конец бечевки и потерял сознание...

Браун был отменным рассказчиком. Слушать его было интересно.

Время пролетело незаметно. Мы тепло попрощались.

Через день я отчаливал домой. Николай Леопольдович примчался на вокзал. Мы вышли на перрон. Крепко обнялись. Зайдя в вагон, выглянул в окно. Браун стоял одиноко и махал рукой вдогонку поезду, уходящему в южную сторону, в его родные места, в его далекую юность...

Еще оживленней, еще душевней стала переписка. В каждом письме Браун слал поклон родному краю, живо интересовался творчеством земляков: с одним он был знаком лично, других он знал понаслышке.

«Этим летом у меня был Леонид Николаевич Афонин, заведующий музеем Тургенева в Орле, — сообщил он мне в одном из писем. — Он выпустил хорошую книгу о Л. Андрееве и приезжал в Ленинград, защищал по ней свою диссертацию. Приглашал меня побывать в Орле и дать свои материалы для литературного музея. Я непременно это сделаю».

Загруженный журнальными делами и непредвиденными встречами, Браун не смог вырваться в Орел. Эта досадная промашка была скрашена интересной встречей. «Целую неделю пробыл в Ленинграде с женой Вадим Андреев, сын Леонида Андреева,—радовался поэт в очередном письме. — Мы с ним в дружеских отношениях. В «Звезде» он будет печатать роман (биографический). Состоялось обсуждение романа»...

Добрые слова и пожелания, касающиеся земляков, встречаются во многих письмах Брауна. «Скажите И. Рыжову, что проза его мне пришлась по душе. В ней есть колорит жизни и колорит слова», — с похвалой отзывался он.

Самое живое участие принял Браун в моей литературной судьбе.

Вероятно, мои письма тоже будоражили его душу, пробуждали светлые и грустные воспоминания о детстве и юности.

Эти душевные переживания Брауна нашли яркое отражение в лирике последних лет. Уже тяжело больной, Николай Леопольдович не терял все-таки надежды побывать на родине и с нетерпением ждал встречи с земляками. В одном из последних писем он признавался: «...Ведь Орел — город моего детства. Вот вылечусь, соберусь с силами — и первый мой выезд будет в родные места...»

Этой давней и желанной встрече не суждено было сбыться. 12 февраля 1975 года Николай Браун ушел из жизни.

«Литературная Россия» поместила «Слово прощания»: «Творчество Н. Брауна, отмеченное высокой поэтической культурой, пронизывают идеи патриотизма, любви к родной природе и русскому слову»...

Тяжело переживала эту жестокую утрату Мария Ивановна, жена и друг поэта.

В январе 1977 года Николаю Брауну исполнилось бы 75 лет — дата, достойная особого внимания. В Ленинграде шла оживленная подготовка к этому юбилею. Больше всех, конечно, хлопотала Мария Ивановна. Всех обзвонила, всех обошла, всех подняла на ноги. Не забыла она и про меня: позвонила во Мценск. Я спешно — ночным поездом — выехал в Ленинград.

Вечер проходил в Доме писателя. Зал гудел и бурлил. Собралось порядочно народу. Больше — пожилые. Старая питерская интеллигенция помнила Брауна еще с двадцатых годов.

Я чуть-чуть запоздал. Прочитав мою записку, Мария Ивановна вздрогнула и стала искать меня глазами в зале. Мне предоставили слово последнему. Никогда не говорил я так взволнованно и легко, как сейчас, рассказывая об истоках творчества поэта.

После было застолье. Многие быстро захмелели. Снова полились речи, живые и непосредственные. Очень просто и душевно сказал Вячеслав Иванович Евсеев:

— Я помню Николая Леопольдовича с детских лет. Мы вместе с Колей учились в Орловской гимназии. Живя в Ленинграде, часто виделись с ним. Всегда трогательно вспоминали гимназические годы, своих друзей, орловские улицы и мосты, Оку и Орлик, Дворянское гнездо... Это был удивительный человек, верный и заботливый друг..

«Боже мой! Значит, вот кому он посвятил свою «Пересыханку», — остро кольнуло в сердце.

Утром мы отправились с Марией Ивановной в Комарово — поклониться праху поэта. У меня перехватило дыхание при виде его могилы.

— Я исполнил ваше желание, Николай Леопольдович: привез горстку земли и веточку полыни из родных мест, — выдохнул я, а Мария Ивановна стала заботливо поправлять скорбный холмик.

В двух шагах — могила Анны Ахматовой. Над ней символический обелиск — разломанный угол кирпичного дома. Невольно подумалось: под одной крышей творили — рядом упокоились. Славные поэты жили в Ленинграде...

Иван АЛЕКСАНДРОВ.

Газета «Просторы России», 200 г.

Николай Браун

Пересыханка

Вячеславу Евсееву

Мне сегодня утром спозаранку
Город детства в память постучал.
Речка там была — Пересыханка. —
Так ее народ и величал.
В зной она и впрямь пересыхала,
Подойдешь и переходишь вброд.
Но зато весной, как конь, бывало,
На дыбы вставала, руша лед.
Шла она веселая, как детство,
И меня с собой в моря звала.
И казалось, где-то по соседству
Реяли морские вымпела.
И уже я был — не дома,
Я стрелой из лука метко бил,
И со мною брат мой Монтигомо
Ястребиный Коготь рядом был.
Как теперь живешь ты, орловчанка,
Речка детства? Слышишь ? Отзовись!
Не пересыхай, Пересыханка,
На дыбы вставай и к морю рвись!

1966 г.

«Дворянское гнездо»

Сегодня мне и радостно и грустно:
Я вспомнил старый город над рекой,
Где берега, соединяя русла,
Сливают воды Орлика с Окой.
Что было за купанье здесь, в затонах!
Ребятами мы бегали сюда,
Где в чистый плес глядел с крутого склона
Старинный сад дворянского гнезда.
Старинный дом. И часто в нетерпенье
Хотелось мне войти в его покой, —
Ведь здесь бывал когда-то сам Тургенев,
Глядел вот в эти дали за Окой.
Здесь услышал сердцебиенье Лизы
Калитиной, всю боль ее слезы.

Здесь он искал слова, чтоб бросить вызов
Во имя «очистительной грозы».
И мне казалось: вот она, вся в белом,
Пройдет—и ветви лип зашелестят,
Все воскресив... Но время отшумело,
И отшумел, заглох старинный сад.
И лишь, как прежде, под горой пылали
В огнях заката Орлик и Ока,
И в легкой дымке вечерели дали,
И грусть была, как небо глубока.

1966 г.

Говор мой...

Говор тульский,
Орловский,
То протяжный, как вздох,
То забористый, Броский,
Рассыпной, как горох.
Он —как с дудочкой дударь,
Стародавний, как Русь, —
В нем и русичей удаль.
В ней прусская грусть.
Метой прадедов мечен,
Горем дедов горюч,
То он чистый, как речка,
То он жгучий, как ключ.
В нем березовый трепет,
Гром колесный с дорог..
Мой младенческий лепет,
Детский мой говорок!
Встал, раскинул он ветви.
Врос он в песенный лад,
Сказкой бабкиной светлел,
Песней маминой свят.
Встал, раскинул он слово
Сыном в отчете дому..
Звон кольчуг с Куликова
Долетает к нему.

1967 г.

Жар-птица

Жизнь перелистывая заново.
Как в песню вслушиваюсь я.
Звалась по отчеству Ивановна
Моя опора, мать моя.
В краю приокском, на Орповщине,
В стране Иванов рождена,
Была Иванушкиной дочерью,
России дочерью она.
А Русь по-свойски счастье мерила:
Что золото! Что серебро!
Она Иванушке доверила
Добыть жар-птицино перо.
А то перо и во полночи
Цветами радуги цвело.
С ним в ночь кромешную, безлунную
Не пропадешь—свётлым-светло!
И шел Иван, и дерзкой хваткою
Перо жар-птицино добыл,
Чтобы оно над каждой хаткою
Светило ярче всех светил.
Над всею Русью неоглядную,
Над всею грустью матерей,
Над красотой ненаглядною
Их русокосых дочерей.
Не потому ли, сердце радуя,
Как свет с Иванова двора,
В моих стихах играет радугой
Тот луч жар-птицины пера.

1969 г.

К 125-летию со дня рождения И.А.Новикова

Земной поклон

И. А. Новиков

За большим овальным столом в Союзе писателей 2 декабря 1974 г. шел возбужденный разговор о пропаганде художественной литературы, творчества знаменитых орловцев, а также современных авторов. Вспыхивал запальчивый спор, сыпались колючие реплики, слышались предложения и пожелания. Меня тоже волновала эта проблема. Вспомнился досадный случай, который задел за живое.

- Недавно мы побывали в музее И.С. Тургенева, - начинаю рассказ. - Экскурсию вел незнакомый мне парень. Такой худощавый, смуглый, развязный. Когда экскурсия по литературному музею закончилась, мы вышли в зал. "А вот это рабочий стол писателя И.А. Новикова. Ну, это посредственный писатель, областного

масштаба!" -походя заметил он и, давая понять, что задерживаться на нем не следует, повел группу в мемориальный музей.

Меня крайне поразило, что у этого музейного сопляка, которого, вероятно, пристроили сюда мама с папой, не нашлось двух слов о писателе: ну хотя бы о том, что И.А. Новиков подарил русской литературе знаменитые романы о Пушкине, делал оригинальный перевод «Слова о полку Игореве», создал крупное исследование о "Записках охотника", что, наконец, это наш земляк, нежно и преданно любивший родную Орловью.

Честно говоря, я с болью душевной подумал: если уж этот гусь с таким пренебрежением рассуждал о Новикове, то что же он может сказать о нас, грешных?

А между тем имя И. А. Новикова всегда было на слуху у словесников, библиотекарей, краеведов, а тем более в литературной среде.

Добрые страницы посвятил писателю А.И. Макашов в своей книге о Мценске "В центре России".

И. Новиков после окончания Мценского училища

Проникновенные слова о Новикове сказал журналист Я.В.Волков, издавший в 1961 г. блестящий очерк "Светлый талант", освещающий жизненный и творческий путь писателя. Я.В. Волков был лично знаком с Иваном Алексеевичем, дружил с его детьми. Многие годы он занимался изучением творчества Новикова. Его вступительные статьи к собранию сочинений Новикова в четырех томах ("Художественная литература", 1967), к сборнику рассказов и повестей "Калина в палисаднике" (1982), к однотомнику - романы "Меж двух зорь" и "Страна Лекхорн" (1991) вызывают живой интерес у читателей.

В январе 1977 г. исполнилось сто лет со дня рождения И.А. Новикова. Во Мценске на здании бывшего

городского училища (средняя школа № 3) была открыта мемориальная доска, посвященная писателю. В этот же день прошла встреча с учащимися и преподавателями металлургического техникума. Было торжественно и многолюдно. Во Мценск приезжали Я.В. Волков и дети писателя Марина и Ростислав. Сохранились любительские фотографии, свидетельствующие о тех событиях.

Интерес к творчеству Новикова возрастает с каждым годом. Будучи инспектором Мценского района, я много лет занимался организацией литературного краеведения в школах: Проводились олимпиады, конкурсы, сочинения, экскурсии и походы. В моих рабочих тетрадях сохранились выписки из школьных краеведческих альбомов, представляющие несомненный интерес.

Вот страничка из дневника похода учащихся Краснооктябрьской восьмилетки на родину И.А. Новикова в июне 1974 г.:

“Ильково - место очень красивое: кругом леса, сады, пруды. А вот и усадьба, и старый сад, где стоял когда-то деревянный дом, в котором родился и провел свое детство И. А. Новиков.

В саду сохранились высокие серебристые тополя, большой ветвистый дуб. Подходим к памятнику, возлагаем цветы. Разбили в сторонке палатку. Стали играть. Сходили в колодец за водой. Развели костер.

Встретились со старожилами. Они поделились своими воспоминаниями о писателе и его семье.

- Учась в Москве, Иван Алексеевич приезжал на каникулы в деревню. Одевался он просто. Всегда участвовал в наших играх. Иногда собирались под большим дубом. Иван Алексеевич читал свои стихи. Был с нами в дружбе, - вспомнил С.С. Волобуев: ему уже 85 лет, а память хорошая.

- Мать и отец писателя умерли еще до революции и похоронены в Шеино возле церкви, - рассказывала Н.Ф. Житникова (75 лет). - После того, как Иван Алексеевич уехал в Москву учиться, в родительском доме жила его сестра Елизавета Алексеевна со своим мужем - поляком Альбертом Трубовичем.

У Елизаветы было пять детей: Оля, Лена, Вера, Аня и Гриша. Гришу убили воры. Они ограбили в Шеино амбары с добром. Возвращались во Мценск мимо их дома. Гриша заподозрил недоброе и пальнул из ружья. А они выстрелили в него.

Родственники имели 150 десятин земли, владели лугом, лесами, прудами. У них были четыре постоянных работника, свои повара. А летом к ним нанимались на поденщину местные крестьяне. Хозяева держали девять коров. Моя мать была у них дояркой. Однажды в чем-то провинилась. Трубович избил ее. Она бросила коров и ушла в поле полоть...

Сейчас дети Елизаветы Алексеевны живут в Туле. Иногда приезжают в Ильково, отдыхают здесь”.

Совершая поход по литературным местам Мценского района, протасовские ребята зашли в Ильково. Стали расспрашивать старушек, что им известно о знаменитом земляке.

- У нас многие помнят Ивана Алексеевича, - поведала А.В. Алферова. - Когда он навещался из Москвы в деревню, был внимателен ко всем, вел душевные разговоры со стариками, помогал чем мог бедным.

Запомнился засушливый, трудный 1946 год. Мы заранее готовились к осеннему севу. Отправились пешком во Мценск за семенным зерном для колхо-

за. Как на грех, нас прихватил в дороге ливень. Мы промокли насквозь. Пришлось досушивать зерно на обочине шоссе.

Случилось так, что в это время Иван Алексеевич ехал в Орел. Остановился, вышел из машины, посочувствовал нашему горю. А когда узнал, что мы из Ильково, очень обрадовался. Стал спрашивать о деревенской жизни, о людях, которых хорошо помнил, о судьбе своего сада. Писателю очень хотелось побывать в Ильково, но времени у него было в обрез. На прощанье он попросил передать ильковцам земной поклон.

Не могу поручиться за полную достоверность этих сведений, но сами по себе они довольно любопытны и познавательны.

В 1959 г., в бытность инспектором роно, я заглянул в Сергиевскую восьмилетку, зашел в библиотеку. Мне показали книгу И.А. Новикова “Тургенев - художник слова” (о “Записках охотника”) с автографом писателя. Значит, он заезжал в эту школу, встречался с учителями. Позже эта школа слилась с Отрадинской средней. Возможно, у кого-то из старых учителей хранится эта книга. Очень сожалею, что не “прибрал” ее тогда к рукам.

В 1984 г. меня назначили директором Краснооктябрьской восьмилетки. Однажды, во время летних каникул, когда ребята корпели на учебном участке, я собрал восьмиклассников и поведал им:

- Знаете, вчера заглянул в Ильково, в гости к Новикову. Иван Алексеевич в обиде на вас: возле памятника вымахал бурьян, ограда покосилась, об нее усердно чешутся коровы, проявляя излишнее любопытство. Завтра, - говорю руководителю краеведческого кружка, - сходите или съездите в Ильково, извинитесь перед Иваном Алексеевичем и наведите порядок возле памятника.

- А в практику это зачтется? - лукаво сощурила глаза Ира Девичева, председатель ученического комитета.

- Ира, ты же умная девочка, а говоришь такие глупости, - упрекнул ее. - Это для души, не для практики...

На другой день ребята сели на велосипеды и отправились проселочной дорогой, петляющей по лугам и лесам, в Ильково. Вернулись возбужденные и довольные тем, что совершили доброе дело. С тех пор Иван Алексеевич на ребят не “обижался”...

Память о Новикове живет не только в Ильково, но и во Мценске. Иногда, возвращаясь с берега Зуши, я иду по улице Новикова, прохожу мимо здания бывшего городского училища с мемориальной доской на стене в память о Новикове, спешаю в библиотеку, которая с 1996 г. носит имя писателя. Переступаю порог и вижу перед собой впечатляющий портрет, выполненный С.И. Проккоповым, директором Мценской художественной школы. Видимо, устав за рабочим столом, Иван Алексеевич присел отдохнуть в кресле, положив на колени свои натруженные руки. Он приветливо встречает читателей и с нескрываемым любопытством рассматривает детские иллюстрации к своим произведениям. Эти рисунки перекочевали сюда после конкурса из художественной школы.

Пожалуй, ни одна библиотека в стране не уделяет столько внимания изучению и пропаганде творчества знаменитого орловца, чем эта: новиковские чтения, конкурсы сочинений, викторины, выставки произведений.

Здесь всегда тепло, уютно,людно. Сюда спешат и школьники, и взрослые, чтобы полистать газеты, журналы, учебники, пособия по экономике и

медицине. Заведует библиотекой Ирина Анатольевна, моя однофамилица, человек хлопотливый и заводной. Под стать себе подобрала она помощников, единомышленников, людей романтических, непоседливых, легких на ногу. Они готовы по первому зову отправиться в Ясную Поляну, чтобы снова услышать в шелесте деревьев слова Толстого, записанные им в дневник 12 июля 1909 года: “Было семь посетителей: юноша с сочинениями, потом совсем сочинитель, умный Новиков”. Или совершить экскурсию в Москву на могилу Новикова, чтобы поклониться его праху! Им ничего не стоит, закинув за плечи рюкзаки, прогуляться пешком до Никольского-Вяземского или до Ильково.

В последний раз мы побывали в Ильково в конце ноября этого года. Ирина Анатольевна часто бывает здесь, а Любовь Ивановна Савельева, заслуженная учительница средней школы № 1, вместе со своими ребятами постоянно приглядывает за ильковским памятником. Она возглавляет в школе клуб “Люби и охраняй природу”, памятуя пришвинские слова: “Любить природу - значит любить Родину”. Эту же заповедь пронес через всю свою жизнь и творчество сам Новиков.

Иван Алексеевич поглядел на нас с барельефа с удивлением и радостью: не забывают меня земляки, не забывают. Слева от памятника вонзался вершиной в небо огромный серебристый тополь. Он уже стар и дуплист и может в любую минуту рухнуть на землю и подмять молодую поросль. Справа возвышается могучий дуб, возможно, ровесник тургеневского. Он наверняка помнит босоногого Ваню Новикова и знаменитого композитора В.С. Калинникова, который жил неподалеку, в соседнем селе, и нередко навещал знакомую семью. Дуб явно состарился, два крупных сука засохли и просятся в туристский костер. А большущие дупла у самого корневища умоляют залатать их бетоном. Дальше на фоне бледно-серого неба виднелись оголенные стволы и ветки старых яблонь. Этот сад припомнил Новиков в своей автобиографии “Жизнь писателя”, опубликованной в четвертом номере “Орловского альманаха” за 1952 год. Цепкая память 80-летнего Новикова зримо высветила картины далекого детства: “Самые начальные воспоминания растворяются в зелени лета: зацветающий сад, созревающий сад, пчелы шумят на цветах. За домом - овраг, заросший орешником: глубокий холодный - немного таинственный колодезь с лягушками.

Писать меня никто не учил. Писательство мое идет от матери... и от няни... Песни, сказки, приговорки... я ими дышал, как дышал простором и воздухом родной орловской природы”.

Здесь, в Ильково, юный Новиков приобрел навыки и сноровку умелого косаря. Позже, учась в Московской земледельческой школе, во время летней практики на Бутырском поле, он удостоился серебряной медали “За отличную косьбу”, чем гордился всю жизнь.

И сейчас, через целое столетие, перечитывая заново рассказы и повести Новикова, физически ощущаешь невыразимый медвяный запах увянувшего разнотравья, скошенного в ильковском саду, на лесных полянах и опушках юным Иваном Новиковым...

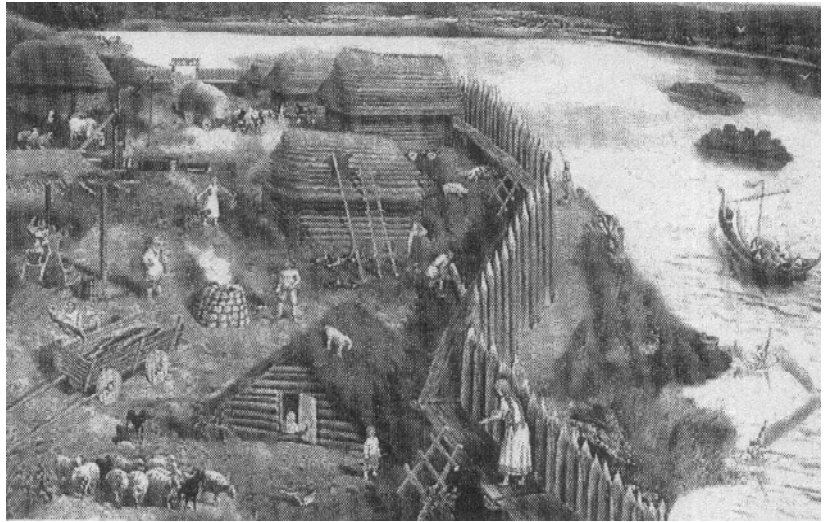
Иван Александров.

Снимки предоставлены библиотекой им. И.А. Новикова.
Газета “Мценский край”, 2002 г.

Святые камни

Памяти Г.Ф. Соловьёва

У каждой реки, как и у людей, своё лицо и судьба, своя биография и родословная, порой извилистая, причудливая и загадочная. Многие реки в далёкие времена подарили своё имя тому или иному месту, селу или городу. Общеизвестно, что Мценск получил своё название от Мецны. А вот что означает “Мецна”, до сих пор остаётся загадкой. Учёные не раз пытались раскрыть эту тайну, но все их усилия заканчивались неудачей.

В.И. Даль предполагал, что название Мценска произошло от пчелы - мцелы, М. Фасмер - от финского таггпа - “рыбья икра”. Однако видный советский учёный В.А. Никонов в своём “Кратком топонимическом словаре” утверждает, что “предложенные объяснения неудовлетворительны”. Сам автор словаря не даёт никакого объяснения, а только ограничивается подсказкой, что в “летописи Мценск упоминается в форме Мьченъскъ, что название его происходит от гидронима Мецна, этимология которого неизвестна”.
Время от времени интерес к этому вопросу вспыхивает среди местных краеведов. Один из них, православный амчанин Е.В.Алтухов, в своей книге “Люди света” пытается с божьей помощью отыскать мценские корни не в родной почве, а в иранских языках и наречиях.

Я тоже не раз задумывался над загадкой Мецны, пока не озарила случайная догадка. Всё гораздо проще, чем кажется. Предлагаю свою версию, на мой взгляд, более достоверную и правдоподобную и вполне доступную для понимания. Попробую обосновать её, опираясь на исторические, этимологические и лингвистические сведения. Разобраться в этом поможет тургеневский Касьян с Красивой Мечи. Что известно об этой реке? Красивая Меча берёт начало в Тепло-Огарёвском районе Тульской области и, преодолев долгий, трудный, извилистый путь, торопливо впадает в Дон. Есть у неё и шустрый, петляющий по лужайкам приток - Ситова Меча, о чём рассказывается в книге чернского краеведа В.А. Новикова “И.С. Тургенев в Тульском крае”.

Что означала “Меча”? Предки называли Мечей (от слова “мечья”, то есть метаться) быструю, прыткую, пронырливую речку, которая суетливо петляет, виляет, извивается по местности, то есть суматошно мечется, напористо пробиваясь сквозь дремучие лесные заросли от своего истока - какого-нибудь Гремучего родника - к своему устью, чтобы поскорее слиться с Доном или Зушей. То же самое можно сказать и о нашей Мецне и её притоке Мцне, только

не нынешних, а тех далёких времён, когда на горе Самород возвышалась древняя крепость, названная Мценском.

Гора Самород с разных сторон омывалась и омывается Зушей и Мецной. Почему же предки назвали свой город не Зушенск, а Мценск? Вероятно, предки были люди мудрые, разборчивые и сообразительные. Зуша пугала их своей глубиной, полноводьем и загадочностью, поэтому они предпочли ей свою родную, говорливую, родниковочистую Мецну, близкую и понятную.

У Мецны долгая, путаная, интересная биография. В зависимости от времён она не раз меняла своё название: то Меча, то Меченя, то Мечня, то Мецна. То же самое происходило и с названием самого города: то Меченеск, то Меченск, то Мченеск, то Мченск. Естественно, что и обитатели города в разное время прозывались по-разному: то мечане, то мечняне, то мецняне, то мчане. Всю дорогу, весь многовековой путь и Мецну, и Мценск, и амчан сопровождали родственные попутные двойники со своим смешным говором. Это давало повод для всяких кривотолков и насмешек. Соседи зло потешались над произношением наших предков-амчан, которые в разговоре постоянно смешивали буквы Ч и Ц. Предки не учились по учебникам Крючкова, Бархударова, Баранова. Откуда им было знать, что эти буквы в нашем языке чередуются сплошь и рядом.

Само название нашего города изначально звучало довольно странно и неуклюже, зато вполне логично - от Мечи. В историческом романе писателя-эмигранта Михаила Каратеева “Русь и Орда” приведена географическая карта нашей округи. На ней чётко обозначено княжество Новосильское, которое в XV веке владело такими городами, как Тула, Одоев, Белев, - и какой-то загадочный ... Меченск на Зуше.

В наши дни кое-кому не нравится слово “амчанин”: оно раздражает их своей грубостью и неблагозвучностью. Ничего не поделаешь - придётся смириться! Время выбрало именно это слово. Оно давно распространено в научной, исторической и художественной литературе, особенно в повседневной разговорной речи. Случается, что обозлённый сосед возьмёт да и выпалит своему обидчику: “Амчанина тебе во двор!” “Амчане - ребята бойкие!” - заметил Тургенев в одном из своих рассказов. “Родился-то я, положим, в Москве, а родной землёй -амчанин!” - признавался С.А. Нилус в своей книге “На берегу Божией реки”.

Я тоже горжусь, что прозываюсь амчанином. Мне кажется, что вполне заслужил такое право, поскольку впервые в истории Мценска стал членом Союза писателей СССР и сейчас, вероятно, впервые раскрываю загадку происхождения названия Мценска.

На том стою

“Мы должны знать нашу землю до последнего атома”, - отечески советовал молодёжи Максим Горький. Мценские краеведы настойчиво следуют этому призыву, старательно изучают историю родного края.

Многие годы своей подвижнической жизни посвятил истории Мценска неутомимый краевед Г.Ф. Соловьёв. Живой интерес вызывает книга А.И. Макашова “На семи холмах”, которая даёт наиболее полное представление о нашем городе, его прошлом и настоящем. Своеобразным путеводителем по Мценску стала книга В.Ф. Аниканова “Город на Зуше (из истории мценских улиц)”, которая явилась итогом многолетнего труда, кропотливых архивных поисков.

Эти книги написаны со знанием материала, весьма познавательны и патристичны.

Среди краеведов нет единого мнения: когда возник Мценск, каков его почтенный “возраст”? Известно только, что в Ипатьевской летописи Мценск упоминается за 1147 год, в Никоновской за 1146. Однако до сих пор не удалось установить, когда был заложен первый камень в фундамент Мценска, когда появился первый сруб.

Интересны сведения о раннем периоде Мценска можно почерпнуть в популярном историческом романе В. Иванова “Русь великая”, где встречаются запоминающиеся эпизоды из жизни наших далёких предков.

Прочитав эту книгу, я набрался смелости и послал автору письмо с убедительной просьбой:

“Уважаемый Валентин Дмитриевич!

Ради Бога, простите, что тревожу Вас и отрываю от дела.

Мы, амчане, ревниво относимся ко всякому упоминанию о нашем городе и рады любому доброму слову о нём.

Мценск называют ровесником Москвы. В сентябре 1947 года отмечалось его 800-летие, но, по всей вероятности, Мценск возник гораздо раньше и потому древнее Москвы. Об этом невольно задумываешься, когда читаешь Вашу книгу “Русь великая”.

Я внимательно и заинтересованно прочитал и “Русь великую”, и “Русь изначальную” и был несказанно рад: по моему читательскому разумению, эти книги мог написать только истинно русский человек, настоящий учёный и поэт, беспредельно влюблённый в Русь и её историю.

Упоминание в “Руси великой” о мценской крепости, о Зуше и Мценске, о воеводе Шенше настолько правдоподобно, что создаётся впечатление, будто Вы пользовались какими-то конкретными сведениями из истории нашего края.

Меня очень взволновали те страницы, где Вы описываете, как юный Владимир Мономах пробирается со своей небольшой дружиной через Кром и Мценск в Ростов Великий.

Очень хочется верить, что это не просто авторская фантазия, а в какой-то мере достоверное событие. Если так, если уже в 1068 году, летом, мценский воевода Шенша принимал у себя шестнадцатилетнего Владимира Мономаха, то значит: Мценск древнее лет на сто, чем принято думать.

Очень прошу, если Вас не затруднит, конечно, напишите в двух словах, что Вам известно о времени возникновения Мценска, что можно почитать о раннем его периоде.

С глубоким уважением. Иван Александров, инспектор Мценского района. 25 января 1973 г.”

Ответ пришёл буквально через неделю. Очень сожалею, что это письмо затерялось. Спустя полтора десятка лет оно снова, совершенно неожиданно, предстало перед моими глазами. В 1987 году издательство “Современник” в серии “О времени и о себе” выпустило в свет книгу В. Иванова “Златая цепь времён”, где среди прочих было помещено и это письмо, и комментарий к нему.

Не стану целиком воспроизводить его, хотя оно интересно и поучительно. Приведу отдельные выдержки.

“Уважаемый Иван Васильевич! - писал Валентин Дмитриевич. -Историки давно условились считать годом основания любого поселения первое упоминание. Условность остаётся условностью. Археологические поиски в городах трудны, находки случайны и поэтому не всегда обобщаются. Однако очевидно, что любой, впервые упомянутый в летописи город уже существовал до упоминания. Тем более что дошедший до нас путём многократных копирований документ не только редактировался, дополнялся, перерабатывался. Он с самого начала мог быть неполон.

Подавляющее большинство наших древних городов было посажено с отличнейше полным пониманием значения места, что и обеспечивало им долгую жизнь. Успешно, на нужное место, сел и Мценск, существовавший полнокровно до проведения железной дороги. Реки же тогда были куда полноводней. Маршрут первого “пути” Владимира Мономаха проходил этими местами. Ещё в начале нашего века на водоразделе, за верховьями Орлицы, существовало урочище Девяти дубов, где Илья Муромец побил Соловья Разбойника: предание ещё держалось! И до самой революции крестьяне, по древней традиции, спали на дубах в палатках, специально для этого устроенных, коль работа или случай задерживали их на ночь. (Древние византийские писатели говорили об умении славян забираться на деревья с помощью ременных или верёвочных лестниц.) Подобное и многое другое, накопленное мною за долгую жизнь, дало мне возможность реконструировать детали прошлого с уверенностью, что пишу правду. Романисту разрешено больше, чем профессиональному историку. Но и экспертиза историков, которую в наше время неизбежно проходит исторический роман, была благоприятна для меня. Как видите, к сожалению, я не могу сослаться на документ. Но что Мценск и всё мною написанное о нём - истина, на том я стою. И если когда-либо и кто-либо сумеет заняться настоящим археологическим исследованием в наших старых городах, то откроются даты и обстоятельства изумительные. 31 января 1973 г.”

P.S. Давно уже нет в живых В.Д. Иванова, но его замечательные книги “Русь изначальная”, “Русь великая”, “Повести древних лет”, “Златая цепь времён” продолжают жить и наполнять наши сердца чувством горячей любви к далёким предкам.

Легенда

Повадились бедовые залегощенские парняги во Мценск на ярмарку. Стали завлекать здешних барышень ласковыми словами да щедрыми подарками.

- Убирайтесь подобру-поздорову! - пригрозили им местные женихи и учинили кулачную потасовку.

Залегощенцы затаили кровную обиду и решили отомстить амчанам. Собрали большие деньги и заказали в Туле пушку и пороху.

В урочный час пальнули по Мценску. Пушка так грохнула, что многих посшибало с ног, обдало копотью и гарью. Протирая глаза, залегощенцы взревели от восторга:

- Теперь от Мценска и соплей не осталось!

Помчались посмотреть. Глядят - глазам не верят: Мценск цел и невредим!

Погоревали, примирились с незадачей и зачастили на ярмарку в Новосиль. Снова стали заглядываться на чужих барышень. А кому понравится, когда залётные женихи привораживают их невест? Вот и стали новосильцы хмурить брови и сучить кулаки.

А один силач даже приласкал кого-то под горячую руку.

Залегощенцы обозлились и закричали:

- Амчанина тебе во двор!

И.Александров.
Газета «Мценский край», 2010 г.

Самород

Жили-были на Мещне
Мирные мещняне.
Жгли костёр при луне
На большой поляне.
Полыхал в лесу костер
Высоко и рьяно.
Шёл серьёзный разговор
Против басурмана.
Доложил опять дозор,
Что из степи дикой
Надвигается разор
И полон великий.
Укрывался народ
От раскосой тучи
На горе Самород,
На высокой круче.

Наточили топоры,
Наострили стрелы,
Чтобы встретить у горы
Супостата смело.
Обложил Девлет-Гирей
В ночь глухую крепость.
Сон упрятал меж бровей
Лютую свирепость.
Был внезапен удар
Храброй мценской рати.
Потопил в реке татар
Воевода Татев.
Много лет кривился рот
У Девлет-Гирея:
- Кто о Мценске помянет,
Тот лишится шеи!
Лес шумел за рекой
Грозный и дремучий.
Снова с юга над горой
Зависали тучи.
Разбивался вражий сброд,
Что валил веками,
О гору Самород,
О святыя камни.

Предок

Амчанина тебе во двор!

Поговорка

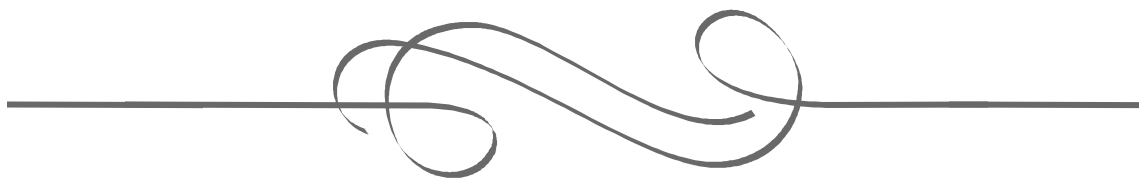
Славился в округе
Давний предок мой
Бесшабашной руганью.
Удалью лихой.
Был неотразимо
Ловок и хитёр.
Подводила сила –
Выручал топор.
Был он вороватый –
Близко не клади.

Жили цыганята
У него в груди.
Не сули амчанина
Никому вовек.
Предок был отчаянный,
Грешный человек.
Многого не требовал -
Шил, тачал, ковал
И насущным хлебом .
Бойко торговал.
Был кацап кацапом,
Бражничать любил,
Часто бабу цапал,
Во хмелю лупил.
Проживала шалость
У него в роду.
И купца, случалось,
Тряс за бороду.
Не сули амчанина
Никому вовек.
Предок был отчаянный,
Храбрый человек.
В древнем шлеме конника
Стлался над землёй.
Соловья-разбойника
Усмирял с Ильёй.
Верою и правдою
Он служил Москве.
Где-то за Непрядвою
Всыпал татарве.
Ни кромским, ни чернским
Спуску не давал,
Если кто амченских
Срамно обзывал.
Я и сам отчаянный,
Лучше не трави.
Что-то от амчанина
У меня в крови.

* * *

Легли налево и направо
Моей поэзии края.
Есть у меня своя держава,
Хоть маленькая, да своя.
Её граница вьётся сушей,
Петляет от реки к реке,
Пройдя по Снежеди и Зуше,
Красивой Мече и Оке.
Земля Тургенева и Фета
Известна далеко вокруг.
Тепло поэтами воспета
Её столица Бежин луг.
Вы не найдёте в целом мире
Таких лесов, таких полей,
Такой бездонно-синей шири
С прощальным криком журавлей.
Душа невольно замирает,
И радость светится в глазах,
Когда рябина полыхает,
Как негасимый алый стяг.
Благослови меня, как сына.
На честный труд и честный бой,
Моя багряная рябина,
Моя надежда и любовь.

***ДИПЛОМЫ,
НАГРАДЫ***

И.В. Александров – член Союза писателей СССР

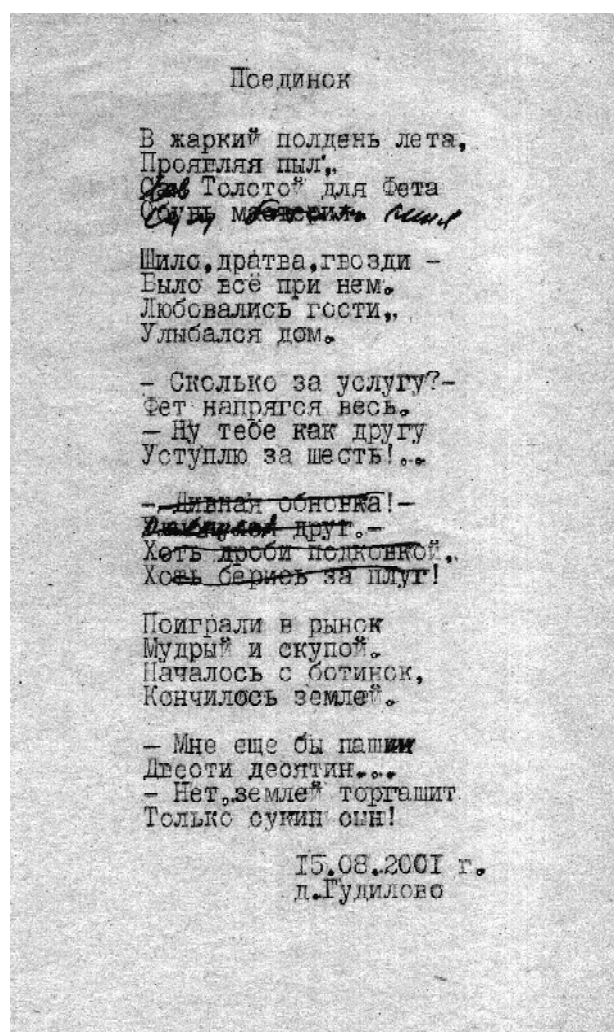
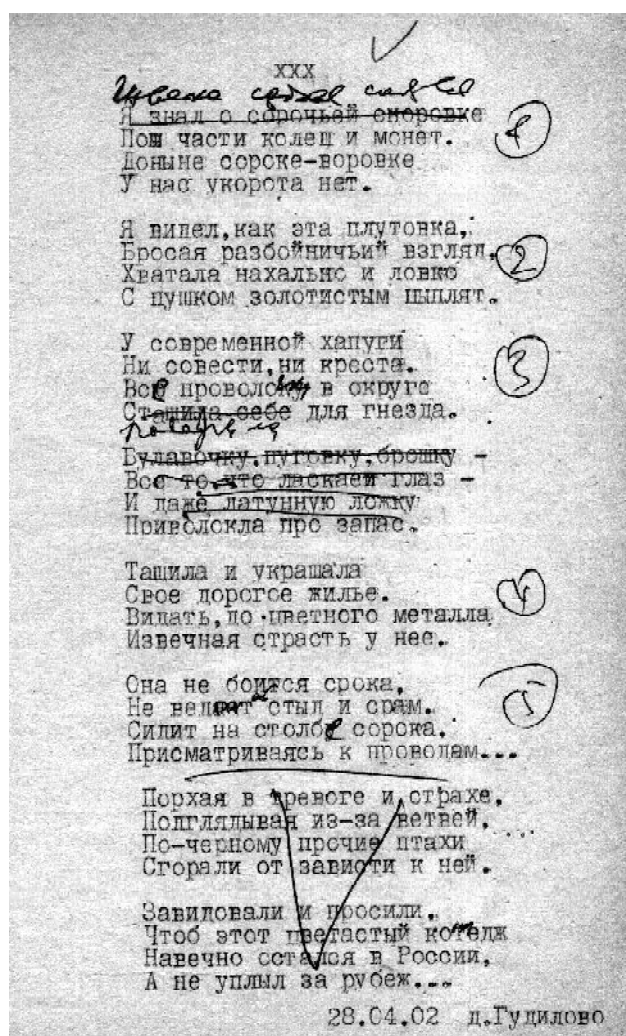
В культурной жизни нашего города впервые произошло такое событие: мценский поэт Иван Васильевич Александров принят в Союз писателей СССР.

Читатели нашей газеты хорошо знакомы с его творчеством. Ведь многие стихотворения И.В. Александрова, вошедшие в сборники «Подснежник», «Земляника» и «Ясень», впервые были опубликованы на страницах районной газеты «Ленинский путь».

И.В. Александров оказывал и продолжает оказывать большую помощь членам литобъединения «Родник» в их творческой работе, а также в подготовке литературных страниц. Работая инспектором районного отдела народного образования, Иван Васильевич настойчиво пропагандирует среди учащейся молодежи лучшие произведения советских поэтов, выступает на литературных вечерах в школах, училищах.

Редакция газеты «Ленинский путь» горячо поздравляет Ивана Васильевича Александрова с вступлением в Союз писателей СССР, желает ему дальнейших творческих успехов, глубоких и ярких произведений.

1970 г.

ПОЧЕТНАЯ ГРАМОТА

Век М.А. ШОЛОХОВА

Награждается

Александров

Иван Васильевич

за любовь к родному краю и бережное
отношение к родному слову

Секретариат правления Союза писателей России

100 лет

„ЗА ДОБЛЕСТНЫЙ ТРУД. В ОЗНАМЕНОВАНИЕ
100-ЛЕТИЯ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА ЛЕНИНА“

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Александров
Иван

Васильевич

ОТ ИМЕНИ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА СССР

НАГРАЖДЕН ЮБИЛЕЙНОЙ МЕДАЛЬЮ

„ЗА ДОБЛЕСТНЫЙ ТРУД.
В ОЗНАМЕНОВАНИЕ 100-ЛЕТИЯ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА ЛЕНИНА“

Секретарь исполкома

Щенского

Сародского

Совета депутатов трудящихся

М. П.

11 июня 1970 года.

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Александров
Иван

Васильевич

за долголетний добросовестный труд от имени Президиума Верховного Совета СССР решением исполкома

Орловского областного

Совета народных депутатов от *5 июня* 19*84* г.

награжден медалью

«ВETERАН ТРУДА»

Секретарь исполкома
Орловского областного
Совета народных депутатов

Иванов
19*84* г.

УДОСТОВЕРЕНИЕ № *139062*

Тов. *Александров*
Иван Васильевич

награжден значком
«ОТЛИЧНИК НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ»

Министр просвещения РСФСР
Исполнитель Республиканского комитета профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений РСФСР

г. Москва Решение № *352* от *13/12* 19*62* г.

ПОЛОЖЕНИЕ

О НАГРУДНОМ ЗНАЧКЕ

«ОТЛИЧНИК НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ»

1. Нагрудным значком «Отличник народного просвещения» награждаются лучшие работники учреждений, предприятий Министерства просвещения РСФСР, отделов народного образования местных Советов депутатов трудящихся и профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений РСФСР за достигнутые успехи:

Содержание

Автобиография.....	4
ПЕВЕЦ РОДНОГО КРАЯ.....	7
УГОЛОК ДЕТСТВА.....	17
ВСТРЕЧИ, КОНФЕРЕНЦИИ, ПРАЗДНИКИ.....	25
ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА.....	55
ИМЯ И ДЕЛА ЖИВУТ, КНИГИ ГОВОРЯТ.....	59
ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ.....	67
ДИПЛОМЫ, НАГРАДЫ.....	131

Иван Васильевич Александров : альбом / Центр. гор. б-ка им. И. А. Новикова; [сост. Э. М. Александрова]. – Мценск : Центральная городская библиотека им. И. А. Новикова, 2013. – 138 с.

Ответственная за выпуск И.А. Александрова

Технический редактор О.А. Ишутина